

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 12

28 марта 1928 г.

№ 12

За создание единого аппарата по расследованию преступлений.

Из всех вопросов по реформе УПК, по нашему мнению, наиболее слабо разработанным, несмотря на большую дискуссию, проведенную в «Е. С. Ю.» и других журналах, остается та часть, которая касается расследования преступлений. Что дает в этой части проект УПК, разработанный Комиссией НКЮ? По нашему мнению, ничего. В дискуссии, а также в решении Коллегии НКЮ был выдвинут проект организации судебной милиции. В проекте Кодекса какого-либо отражения, по которому можно было бы судить, что такой орган предполагается к организации, не имеется. В проекте УПК мы лишь находим переименование органа дознания в орган первоначального расследования и только, но ведь суть дела не в названии, а в существе.

Прежде, чем перейти к предложениям в этой области, мы несколько остановимся на разборе существующего положения с расследованием преступлений.

Сравнительный объем работы следователей в части следственной работы виден из следующих цифр:

Если поступление дел к народным следователям по Сибири за 1923 г. взять за 100, то оно в 1924 г. дает 100,4%, в 1925 г.—84,4%, в 1926 г.—61,8% и в первом полугодии 1927 г.—55%, или в среднем на одного следователя в месяц по годам—19, 18, 15, 10 и за первое полугодие 1927 г. только 8 дел (на одного ст. следователя—5 дел).

Окончание следователями дел по Сибири, если взять 1923 г. за 100, в 1924 г. дает 136,3%, 25 г.—126,2%, 26 г.—78,1%, первое полугодие 1927 г.—71,3%, или, в среднем, на одного следователя приходится окончание в месяц по годам 15, 19, 17, 11 и в первом полугодии 27 г. только 9 (на одного ст. следователя—5 дел).

Из числа окончанных (непосредственного производства следователями) дел мы видим, что лишь 49,5% в 1926 г. и 51,3% в 1927 г. следователями направлено с постановлениями о предании суду, остальные же дела были направлены на приостановление и на прекращение. Переводя это в среднем на работу одного следователя в месяц, мы получаем, что нарследователями направляется в месяц для предания суду лишь 4—5 дел (своего производства), к тому же еще часть из этих дел без специальных оперативных действий и лишь оформляется путем предания актам дознания силы актов судебного следствия (ст. 109 УПК). Таким образом, мы можем без большой ошибки считать, что следователь в среднем в месяц проводит почти полностью следствие по 3—4 делам (это подтвердилось выборочным обследованием работы нарследователей 2 уч. г. Новосибирска и 2 уч. Новосибирского округа). А если мы еще примем во внимание те коррективы, которые вносят судебные органы в смысле качества материалов предварительного расследования из 108.727 чел. за 1926 г. переданы суду по Сибири 31.190 чел., или 28,7%, оправдано из 77.463 чел. в первом полугодии 27 г.

21.353 чел., или 27,6% также оправдано), станет понятным, что при указанном выше ничтожном объеме работы следственного аппарата в части непосредственно следственной деятельности удельный вес следственного аппарата в общей массе предварительного расследования является крайне незначительным.

Встает вопрос, чем же тогда занимается наш следственный аппарат (в Сибири стоящий в год более полумиллиона рублей лишь по местному бюджету)? Ответ на это дают цифры. Если в 1926 г. через нарследователей без их производства с преданием суду прошло 8.217 и направлено на прекращение и приостановление 8.386 дел, то ими просмотрено в 1926 г. дознаний 99.506, а в 1927 г. уже около 130.000.

Просмотренные следователями дознания распределяются: направлено с постановлениями для предания суду—18,8%, прекращено следователем—70,2%, возвращено в органы дознания—11%. Таким образом, если взять количественное соотношение (не совсем верно) числа дел, проходящих у следователя в его производстве, и дел органов дознания, приостанавливаемых им, то для 1927 г. оно будет равняться приблизительно 6%. Принимая во внимание недостаточную верность такого сравнения (по качеству и объему работы), все же можно считать, пожалуй, правильным, что у следователя $\frac{3}{4}$ времени уходит не на чисто его следственную оперативную работу, т.-е. прямо говоря на прокурорскую работу. Так что в лице народного следователя сегодняшнего дня мы имеем $\frac{1}{4}$ следователя, притом сомнительного качества работы, и $\frac{3}{4}$ прокурорского работника, а отсюда и нужно исходить при выводах о реформе следственного аппарата.

Дальше о судебной милиции. Мы считаем этот проект совершенно нежизненным. Создать специальный орган судебной милиции добавочно к существующей милиции нельзя, т. к. это удорожит аппарат; выделить из существующей милиции еще и судебную тоже в значительной степени является невозможным, т. к. состав милиции крайне ограничен и имеет многогранные обязанности. Кроме того, само создание судебной и общей милиции создаст нежелательный параллелизм в работе и несомненно немодальное же вновь смешение их функций. Особенно это будет нежизненным для деревни. Допустим, к милиционеру общей милиции поступает заявление о преступлении; понятно, он составит протокол и не станет он этот протокол направлять для дальнейшего расследования судебному милиционеру, а ясно (мы другого положения не представляем), что сам же он производит дознание. При ограниченности же штатов милиции обычно в том или ином участке бывает только один милиционер. Значит, нечего создавать другого (хотя бы и судебного) милиционера. Повторяем, дело с созданием судебной милиции нам кажется в значительной степени делом безнадежным.

Теперь мы возвращаемся к следственному аппарату. Мы установили, что современный следователь — это, в конце концов, по содержанию своей работы не следователь, а пом. прокурора, а когда это так, то его и надо сделать прокурором—это первое. Второе то, что громадную массу дел в суды дают не следователи, а органы дознания, что 4—5 дел в месяц, по которым следователь производит расследование, с успехом могут быть закончены теми же органами дознания и небольшой группой следователей по важнейшим делам (ст. следователь). Отсюда общий вывод: взамен нынешнего множественного расследовательского аппарата—создание единого аппарата расследования преступлений, и основой для его организации должен явиться нынешний аппарат органов дознания. Однако, исходя из обстановки сегодняшнего дня, мы считаем, что это можно будет сделать в том случае, когда будут обеспечены надлежащие условия формирования органов дознания (нового единого органа расследования преступлений), таких условий, когда бы мы были гарантированы, что мы сможем лучшую часть наших следственных работников безболезненно влить в органы дознания, пока, по нашему мнению, нет, но создание их возможно, в первую очередь за счет сокращения расходов на содержание нынешнего следственного аппарата, что должно будет дать еще, кроме того, и общее сокращение расходов. Такое положение должно улучшить работу по расследованию преступлений, хотя бы в части быстроты продвижения дел, а устранение двойственности надзора (прокурор, следователь) даст усиление фактического надзора за расследованием преступлений, а, следовательно, улучшение и качества расследований, устранение довольно частых случаев неосновательности возбуждения дел.

Председатель Сибирского краевого
суда *М. Кожевников.*

г. Ново-Сибирск.

За следственно-розыскную милицию.

В истекшем году в «Е. С. Ю.» (а в данный момент в «Административном Вестнике») прошла широкая дискуссионная волна, об организации судебной милиции. На основе этой (ведомственной) дискуссии НКЮ уже разработал тезисы об изменении существующего УПК, полагая этим уничтожить существующие ненормальности в судебно-следственной системе, что подтверждается и обследованием НК РКИ в судебно-следственных учреждениях.

Основными моментами этого ненормального процесса НКЮ считает: разделение процесса на дознание и следствие, низкую квалификацию органов дознания, их перегруженность другими исполнительскими функциями и двойное подчинение, отсюда прекращаемость на 50% уголовно-следственных дел. Выходом из положения НКЮ считает организацию судебной милиции под руководством и в ведении НКЮ. Если смотреть на этот вопрос с точки зрения ведомства, иметь в своем распоряжении аппарат, который бы исключительно оформлял (и только лишь оформлял, а непосредственную борьбу с преступностью ведет тоже наружная милиция) уголовные дела и направлял суду, то, конечно, НКЮ прав, но в таком принципиальном вопросе, нам кажется, надо посмотреть с точки зрения политической целесообразности, с этой точки зрения мы против организации судебной милиции и за орга-

низацию следственно-розыскной милиции по следующим основным мотивам: если организовать судебную милицию, хотя бы даже за счет существующей (как это выдвигает проект НКЮ) с передачей в ведомство НКЮ, то получится, что прокурор, как орган, осуществляющий революционную законность, неизбежно заменит и встанет на должность начальника уголовного розыска, он неизбежно будет вынужден нанимать милицейских работников, устанавливать среди них дисциплину, поскольку будет руководить ими и увольнять, непосредственно вести борьбу целиком с преступностью, которая тесно связана с наружной милицией, т. к. без наружной милиции с этими функциями судебной милиции не справиться, ибо преступление и следствие связаны наиболее тесным образом и отделить их никак нельзя. Тогда эта судебная милиция превратится в вооруженный отряд, а, следовательно, и прокурор в начальника вооруженного отряда, являясь в то же время блюстителем революционной законности, что политически будет неверно. Неверно будет и конституционно, когда положением о Комиссариате Внутренних Дел, основанном на Конституции, борьба с преступностью, ее раскрытие и ведение дознаний возложено на НКВД. Неверны доводы и о том, что с организацией судебной милиции мы избежим прекращения 50% уголовных дел. Ведь этот вопрос пока еще никем не изучен. А вот, если посмотреть на практику, то прекращение в большей степени имеется не по вине органов дознания, а по вине существующей системы УПК и УК. Таких примеров, как кража на 40—60 коп. и т. п. или неуказание подозреваемых в тех или иных преступлениях, по которым ведется дознание, а потом прекращаются следователями и судами, десятки тысяч, да и суды прекращают не менее за маловажностью проступка, недоказанностью по формальным причинам. УПК и УК надо пересмотреть в сторону наибольшей передачи дел на разрешение административных органов, в противном случае мы через 10—15 лет пересудим все взрослое население. Это подтверждается хотя бы тем, что таких дел уголовного характера, прекращенных органами дознания и узаконенных следователями и судами, по Тверской губернии за последний год было 9.224, или 24% к общей заявке. Кроме этого, той гибкости и четкости в работе удешевления аппарата и приближения его к массам, которых ожидают инициаторы проекта, я бы сказал, таких благ ожидать с организацией судебной милиции было бы ошибочно, а получится как раз наоборот. Находясь в НКЮ и действуя по заявкам и протоколам наружной милиции, судебная милиция будет еще дальше отдалена, нежели при существующей системе, как от самого преступления, так и от населения, и скорее всего, работая в канцелярии, не видя живого дела, неизбежно превратится в чиновничий аппарат с бюрократическими последствиями. Кроме того, организация судебной милиции в ведомстве НКЮ потребует лишних и огромных материальных затрат (увеличение штата, отдельные помещения, канцелярские и хозяйственные расходы, транспорт и т. д.), организовать же за счет наружной милиции такой аппарат при ведомстве НКЮ, который бы целиком охватил преступность, у нас, напр., в Тверской губернии, при всем желании вещь невыполнимая, т. к. до установленного НКВД штата мы дойдем только лишь по пятилетнему плану, т. е. через пять лет. Да и дойдем ли, это еще вопрос. Наконец, дробление существующей системы административных органов на судебную и административную милицию приведет НКВД к тому, что он будет являться не чем иным, как квалифицированной сторожевой будкой, и будет так же далек от населения, как и судебная милиция, а во многих случаях будет являться для населения

и пугалом (вышибание с населения штрафов и других денежных сумм), в то же время являясь в некоторой мере и однородным с судебной милицией аппаратом, потому что в одно и то же время не только в одну деревню, а и к одному крестьянину может прийти за взысканием и судебный милиционер и административный. Теперь меня интересует вот что. До сих пор органы дознания раскрывали 99% всей преступности, а за последнее время на 90% вели и дознания, положенные законом, а следователи на 10%, и то косвенно. Почему же НКЮ признает возможным, на 11 году Революции, передать в маломощную такую мощную организацию, имеющую громадный практический опыт непосредственной и прямой борьбы с преступностью, с подсобными и мощными орудиями в этой борьбе (осведы, фотографии, дактилоскопия и т. д.)? Неужели лишь только потому, что эта маломощная организация в силу матеральных условий имеет наибольшую и только техническую квалификацию. Это будет в корне неверно и чревато последствиями для дела в борьбе с преступностью. Поэтому и вернее всего мы ставим вопрос таким образом: следовательский аппарат, как практически маломощный, но технически более квалифицированный и как дорого стоящий государству, являясь лишней перегородкой от преступления к суду, как рассадник волкиты и задержки дел, что и послужило причиной пересмотра УПК, ликвидировать и влить в уголовный розыск, назвав его следственно-розыскной милицией в ведомстве НКВД. Тем более НКЮ сам же признал, — и это надо приветствовать, — что в основе дознания и следствия лежит один и тот же принцип. Такой аппарат будет куда работоспособнее, гибче, дешевле и будет ближе стоять как к самому преступлению, так к суду и к населению, нежели судебная милиция. Ведь дело не в судебной милиции при ведомстве НКЮ, а в том, чтобы в ведомстве, на которое возложена охрана общественного порядка и имущественной безопасности, из которого вытекает почти все раскрытие преступности, надо четко разграничить следовательские функции от розыскных, таким порядком, как, например, у нас, в Тверской губернии, где во всех городах один участковый надзиратель при каждом отделении сидит исключительно на делах дознания, а остальные выполняют исключительно исполнительские функции, и если бы не следовательская перегородка, то такое разграничение оправдалось бы на 100%. Однако, в то же время оно улучшило и прежнюю постановку данного дела, когда дознания вели все участковые надзиратели, например: остаток неоконченных дел в 1924 году был 3.163, а теперь 2.178, несмотря на то, что преступность значительно возросла, остаток по взысканиям в 1925 г.— 225.354 р., а теперь—120.690 руб., на доследование присылалось раньше 15—20% к общим делам, а теперь 5%, и это в губернском масштабе, а в в городах ни того, ни другого почти нет. Ну, а если бы посадить следователя, то дело было бы еще лучше и оправдало бы на 100% выдвигаемый нами проект. Ликвидация следовательского аппарата, главным образом, открывает еще большие перспективы и в сельских местностях, из таких соображений: содержание следовательского аппарата у нас в губернии за последний год стоит 106.235 рублей, а если взять ставку инспектора уголовного розыска в 90 рублей в месяц, какую он получает, то на следовательское содержание мы будем иметь почти 100 инспекторов; у нас же в губернии всего 95 волостей, это значит, что на каждую волость можно посадить по инспектору или по следователю, дело не в названии.

Практически осуществляется это таким порядком: следственно-розыскная милиция находится в аппарате

НКВД и местных органах и разделяется на две части: следственную и розыскную. Следственная часть работает исключительно по следственным и судебным делам (что и надо НКЮ) при практической работе влившись в нее следователей, руководит этой частью с верха до низу зав. частью—один из старших следователей, а еще лучше будет, если прикрепить к этой части на постоянную работу хотя бы в губ. администр. отдел одного из помощников прокурора, при чем работники этой части набираются начальником ГАО по согласованию с прокурором и судом. Розыскная милиция и наружная со всеми подсобными орудиями борьбы с преступностью (дактилоскопия, фотографии, осведы, транспорт и т. п.) и технические квалифицированными работниками по следствию, состоя в одном аппарате, даже в одной комнате, в то же время как тесно связанные с самим фактом преступления, будут являться в этом деле непосредственными и прямыми помощниками. Такой аппарат во всех отношениях будет куда лучше, нежели так называемая судебная милиция по проекту НКЮ, и этот вопрос следовало бы обсудить не только одному заинтересованному ведомству или вообще центральным наркоматам, а главным образом местам: губисполкомам, РКИ и работникам практики.

Ефимов.

г. Тверь.

Бездушный формализм или слепое преклонение перед буквой закона.

В данной журнальной заметке я хочу поделиться мыслями о той лишней, ненужной, формальной работе, которую мы, народные следователи, вынуждены выполнять, выполнять лишь только благодаря преклонению перед буквой закона, и работать, заранее зная, что делаешь ненужную работу, тратя как свои физические силы, а также и расходуя впустую народные деньги.

Прав тов. Кеворков, пом. н-ка 2-го отделения милиции г. Самары, когда он в своей заметке «Дознания по делам о простых кражах имущества» («Е. С. Ю.» № 46—27 г., стр. 1442), поднимает вопрос об упразднении производства дознания по делам о простых кражах, кражах так называемых «без подозрения». Тов. Кеворков в своей заметке привел вполне достаточно данных за упразднение ненужной работы, вредно отражающейся на всей работе милиции, работники которой, благодаря ненужной и бесполезной работе по производству дознаний по простым кражам «без подозрений», ухудшают другую свою, более нужную работу, и тратят лишние народные средства. Я хотел бы добавить еще один момент за упразднение производства дознания по вышеуказанным делам, так как последнее не только отражается на работе милиции, но и отражается на работе следователя, так как каждое такое дознание после его окончания, как известно, направляется в порядке п. 1 ст. 105 УПК наблюдающему нарледователю, где снова скрипят перья, портятся бумага, тратятся впустую народные денежки. Поступая, такое дознание, прежде всего, проводится по соответствующей регистрационной карточке, которая стоит около 1 копейки, и поступает к следователю для просмотра. Следователь тратит время для просмотра, и, конечно, прекращает, за небольшим исключением, о чем выносит постановление, в большинстве заполняя готовый бланк, который стоит также около одной копейки; во вверенной мне следкамере введено извещение сторож о прекращении не посылкой копий постановлений о прекращении, а посылкой почтовых открыток с указанием мотивов прекращения и порядка

получения копии постановления и обжалования последнего. Таким образом, на уведомление сторон расходуется около 3—6 копеек. После этого секретарь заводит обложку для дознания, и если в установленный срок не последует обжалования, припечатывает дознание и кладет его в архив. Бумага для обложки, нитки и сургуч стоят около 1—2 копеек. Таким образом, следователю такое дознание обходится около 7—10 копеек, не считая затраченного труда курьера, секретаря и следователя (а также почтальона и т. д.), труд которых также оплачивается. На первый взгляд сумма около 7—10 копеек кажется ничтожной, но когда мы посмотрим цифры прошедших через камеру дознаний, то увидим: из поступивших на прекращение 1.055 дознаний прекращены почти все; и большинство из них, не менее 900 дознаний, по делам о простых кражах, т.-е. «без подозрений». Возвращались же для исследования, дознания в большинстве из поступивших в порядке п. 3 ст. 105 УПК—219 шт., направлено же в суд только 150, а возвращено для исследования 58 шт. из общего поступившего числа в порядке п.п. 1 и 3 ст. 105 УПК.

Таким образом, возвращаясь к основной теме, мы видим, что впустую работа следователя проделана по 900 дозняниям, материальная стоимость которых обходится 7—10 коп.×900=63 руб.—90 рублей. Сумма получается крупненькая, принимая во внимание скудость средств, отпускаемых по местному бюджету для камер нарследователей. Упразднив эту ненужную работу, мы сэкономим для одного следучастка около 63—90 руб., а по всем участкам в общереспубликанском масштабе получится приличная экономия, над которой следует и задуматься, хотя в ущерб и букве закона, но с пользой для дела и государства.

Тов. Кеворков предлагает такой выход из положения: «при дежурной комнате отделения должна быть книга заявлений в алфавитном порядке, куда дежурный по отделению заносит все поступающие заявления о простых кражах, совершенных неизвестными лицами, с подробным описанием похищенного имущества, с соблюдением 95 ст. и норм УПК, при чем на похищенное совершенно неизвестными лицами имущество, имеющее индивидуально-отличительные приметы, объявляется немедленный розыск, о чем в книге делается соответствующая отметка, и в случае обнаружения указанного похищенного имущества или выявления похитителей органами милиции делается выписка из вышеуказанной книги, на основании чего и возбуждается уголовное преследование». Я также считаю это наиболее правильным и заслуживающим применения в нашей практической работе. За последнее говорят не только вышеуказанные мотивы и наша практическая работа на местах, но также частично, если можно выразиться «вскользь», высказался и Пленум Верховсуда, который в своем протоколе № 11 заседания Пленума Верховсуда от 20 июня 1927 г. п. 19 по представлению Прокурора Верховсуда по вопросу о порядке прекращения дел по ст. 6 УК («Е. С. Ю.» № 31—1927 г., стр. 973) разъясняет: 2) что в случаях, когда органу дознания, следователю или прокурору подало заявление о совершении деяния, содержащего явные признаки примечания к ст. 6 УК, органы дознания, следователь и прокурор, имеют право в порядке ст. 95 УПК отказать в возбуждении уголовного дела.

На основании последнего разъяснения органы дознания, как видно, имеют право не возбуждать дознания о мелких кражах (примерно, до 1 рубля), в силу «малозначительности», а почему бы это право не расширить и больше, опять-таки по вышеуказанным мотивам, мотивам явной целесообразности. Попытка следователей в г. Ом-

ске провести этот метод в практическую работу не была проведена, благодаря несогласию прокурора по г. Омску, который веских доказательств против и не представил, за исключением прямого указания на преклонение перед «буквой закона», не взирал на целесообразность и практическую работу. Ставился этот вопрос—вопрос об упразднении производства дознаний по простым кражам «без подозрений»—у нас на совещании следователей при городской прокуратуре, но опять, благодаря консерватизму прокуратуры, «провалился», и решили ждать распоряжения свыше, хотя один из следователей на этом совещании авторитетно заявил, что ему из разговора в Сибпрокуратуре известно, что производство дознания по вышеуказанным делам в г. Ново-Сибирске—сибирском центре—упразднено и имеются благоприятные результаты. Слово за центром!

Есть у нас еще много лишней и ненужной работы—это составление следователем постановлений о прекращении дознаний и о передаче суду. Работа совершенно излишняя, особенно сейчас, когда у нас органы дознания достаточно выросли и с успехом самостоятельно могут составлять указанные постановления, а следователь при поступлении к нему дознаний и при согласии с органом дознаний, простой резолюцией мог бы их утверждать, и только при несогласии пересоставлять, чем достигнута была экономия средств и труда. Данный вопрос вполне назрел, и проект нового УПК справедливо это предусмотрел и проведет в жизнь, почему на этом не стоит больше останавливаться.

Большим вопросом для следственного аппарата является слишком большой процент направляемых на прекращение дел, причиной которого является неудачная редакция ст. 108 УПК, последней участи не избежала и статья 20 проекта нового УПК. Об этом уже достаточно писалось на страницах журнала и, пожалуй, больше не стоило бы писать, но так как «воз и ныне там», а в особенности, когда это не изживается и новым проектом УПК, когда делают попытки этот вопрос разрешить не только центральные органы, но и краевые, то не лишнее еще раз поднять голос низового практического работника, тем более когда этот вопрос тоже связан, благодаря преклонению перед буквой закона, с бездушным формализмом. Я постараюсь не повторять ранее высказанное на страницах журнала, а лишь только оттенить некоторые вопросы практической работы.

Так, мы видим, что статья 108 УПК, а также ст. 20 проекта нового УПК, указывает целый круг статей, по которым формально требуется производство предварительного следствия, и если такое дело поступит к следователю, то он обязан его немедленно принять к своему производству. Это формально и законно, другого выхода нет, а мы знаем, что, в особенности в городах, по грабёжам и т. д. расследование производится, в большинстве случаев, угол. розыском, и последний, производя его довольно полно, направляет следователю в порядке ст. 106 УПК, согласно ст. 108 УПК, а следователь, на основании той же ст. 108 и ст. 110 УПК, обязан это дело принять к своему производству, придать актам дознания силу актов предварительного следствия и направить в большинстве случаев сразу же в порядке 203 ст. УПК на прекращение, и следователь тратит зря время и средства и увеличивает процент направляемых дел на прекращение, чем у вышестоящих органов создается впечатление, что следственный аппарат плох. Это не могли не заметить вышестоящие товарищи, которые реагировали так: Пленум Верховсуда РСФСР от 13 сентября 1926 года (протокол № 15) говорит: «Разъяснить Архангельскому губсуду, что

дела, в конх имелись признаки преступления, требующего предварительного следствия, во всех случаях должны направляться на прекращение следователем в порядке ст. 203 УПК в суд вне зависимости от того, какой из органов предварительной разработки дела пришел к выводу о наличии данных, для прекращения дела» («Е. С. Ю.» № 43—26 г., стр. 1248). Верховсуд в данном случае набросал лишь только вежи, не конкретизируя, следует ли данную категорию дел принимать следователям к своему производству или нет, благодаря недоговоренности на сей счет на местах получается путаница, одни следователи принимают к своему производству указанную категорию дел, оформляют, а затем уже направляют их в порядке ст. 203 УПК на прекращение, увеличивая процент направляемых на прекращение дел, а другие следователи, наоборот, не принимая дела к своему производству, направляют на прекращение, чем уменьшают процент дел, направляемых на прекращение. Этот разнобой в работе наблюдается не только в более или менее большом объеме, но даже существует в пределах одного города, как, наприм., городских следователей г. Омска. Пробел, допущенный Верховсудом в вышеуказанном раз'яснении, попытались устранить в пределах Сибири своим циркуляром Сибкрайсуд и Сибкрайпрокуратура, но опять-таки не очень удачно и окончательно некоторых следователей запутали и загнали в тупик. Чтобы не исказить смысла циркуляра, я разрешу себе процитировать его полностью:

«В крайсуд и прокуратуру поступают запросы, как практически применять определение Пленума Верховсуда от 13/IX—26 г. («Е. С. Ю.» № 43—26 г.) о порядке прекращения дел, по которым предварительное следствие обязательно и по которым при производстве дознания установлено отсутствие состава преступления. В дополнение данного определения Пленума Верховсуда крайсуд и прокуратура раз'ясняют, что при поступлении к следователю в порядке 1 ч. 105 ст. УПК дознания, по которому, согласно 108 ст. УПК, формально обязательно предварительное следствие, но по существу такового не требуется в виду полноты дознания и бесспорности направления его на прекращение, следователь обязан лишь составить мотивированное постановление о прекращении данного дознания и направить его в порядке 203 ст. УПК в суд. Оформлять такие дознания постановлениями о при- ступе к следствию не следует...».

В указанном циркуляре в первой части говорится... «при производстве дознания установлено отсутствие состава преступления»..., а дальше говорится в раз'яснение первой части... «по которому, согласно 108 ст. УПК, формально обязательно предварительное следствие...». Получается неувязка, в одном случае говорится о дознаниях, где отсутствует состав преступления, которые следователь, как я мыслю, может самостоятельно прекратить в порядке п. 5 ст.ст. 4 и 222 УПК, тем более, что указанный циркуляр говорит, что этого рода дознания поступают к следователю в порядке п. 1 ст. 105 УПК. А как быть с теми дознаниями, где формально имеется состав преступления, по которым, согласно ст. 108 УПК, требуется предварительное следствие и поступают они к следователю в порядке ст. 106 УПК, а не 1 ч. 105 ст. УПК? Циркуляр на это не дает раз'яснения. Получается неувязка, и местные работники его понимают всяк по-своему, и каждый применяет его так, как лучше, а от этого получается разнобой в работе. Издавали ли раз'яснение к раз'яснению Пленума Верховсуда от 13/IX—26 г. другие краевые учреждения Республики, для меня неизвестно, как неизвестно и то, как места реагируют на раз'яснение Пленума Верховсуда, но думаю, что низовые

работники-наследователи на страницах журнала поделятся данными о своей практической работе. Но из всего вышесказанного видно, что прямо и точно вопрос о ст.ст. 108 и 110 УПК законодательными органами не раз'яснен, что необходимо сделать как можно скорее, чем достигнем более реальных мер по раскрытию преступления, достигнем известной экономии средств и сил, уточним уж если не ст.ст. 108 и 110 действующего УПК, то, по крайней мере, ст. 20 проекта нового УПК. В последней нужно оттенить, что по тем поступившим к следователю дознаниям, по которым хотя формально и требуется производство предварительного следствия, но так как дознание произведено с достаточной полнотой, все обстоятельства дела выяснены, виновные не обнаружены и дальнейшее расследование ничего не даст к обнаружению виновного, то дознание не должно приниматься к своему производству следователем, а подлежит направлению на прекращение прокурору согласно ст. 30 проекта нового УПК. Этим самым мы достигнем уменьшения числа следственных дел, направляемых на прекращение, уменьшим ненужную формальную работу, сэкономим средства и силы.

Нарследователь 2 уч. Омского округа *Балабанович.*

г. Омск Сибирского края.

Обязательные постановления низовых органов власти.

Среди мероприятий по расширению прав местных органов власти, проведенных в 1927 г. по инициативе НК РКК, большое значение имеют изменения, внесенные в порядок издания обязательных постановлений и наложения административных взысканий за их нарушения. Эти изменения, главным образом, коснулись прав низовых органов—волостных и районных исполкомов, горсоветов заштатных городов и сельсоветов.

Взятый в последние годы курс на оживление советов и укрепление революционной законности в области издания обязательных постановлений проявлялся в расширении круга органов, имеющих право издавать обязательные постановления (предоставление этого права горсоветам, рай и волносполкомам) наряду с сокращением круга вопросов, по которым обязательные постановления могут издаваться, выразившемся в установлении твердых перечней для каждой категории местных советов.

Особенно труден был вопрос об обязательных постановлениях вол. и райисполкомов, поскольку дело это было для них совершенно новым и недостаточно окрепший их аппарат не внушал достаточной уверенности в правильном осуществлении ими нормативной функции.

Поэтому закон от 6/IV—25 г. (С. У. 25 г. № 24, ст. 170) устанавливал для вол. и райисполкомов чрезвычайно ограниченный круг вопросов, по которым могут издаваться обязательные постановления, а именно: а) принятия санитарных мер (в первую очередь мер борьбы с загрязнением питьевой воды); б) организации и проведения мер общественной борьбы со стихийными бедствиями; в) принятия противопожарных мер; г) борьбы с эпидемиями, эпизоотиями и вредителями; д) расквартирования проходящих войск; е) отравы и порчи лугов, зеленей и посевов.

Перечень этот в процессе работы оказался явно недостаточным (в особенности для райисполкомов) и требо-

вал расширения, так как вынуждал, вследствие своей ограниченности, вол. и райисполкомы или выходить за пределы, указанные в законе, или же вовсе пренебрегать изданным обязательных постановлений, как формой административной деятельности.

Учитывая эти обстоятельства, Правительство, хотя и не приняло полностью предложений РКИ приравнять райисполкомы в отношении издания обязательных постановлений к уездным исполкомам, пошло все же на расширение перечня вопросов. Изменения, установленные в директивном постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 23/VI 1927 г., закреплены уже в настоящее время в утверждении 21 ноября 1927 г. положение об издании волостными и районными исполнительными комитетами, городскими советами заштатных городов и сельскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке («Известия ЦИК» от 24/XII—27 г. № 295).

В дальнейшем мы рассмотрим важнейшие изменения, внесенные этим Положением в действовавший порядок, установленный законом от 6/IV—25 г.

Как указано выше, в первую очередь был поставлен вопрос о расширении перечня. Сверх установленного прежде перечня, вол. и райисполкомам предоставляется право издавать обязательные постановления по вопросам охраны революционного порядка и безопасности, в частности борьбы с хулиганством, а также охраны государственного и общественного имущества¹⁾.

Райисполкомам предоставлено также право издавать обязательные постановления по вопросам: времени и порядка производства торговли и по установлению распорядка на ярмарках, рынках, базарах и др. местах, отведенных для торговли.

Особенно интересным в новом положении является предоставление права издания обязательных постановлений сельским советам. В этом пункте положение от 21/XI устанавливает норму, не имевшуюся в директивном постановлении от 23/VI. Право это предоставляется, согласно примечания 2 к ст. 1 положения в условной форме и с соблюдением значительной осторожности оно может быть предоставлено отдельным сельским советам экономически мощных и многонаселенных сел по постановлениям соответствующих губернских и окружных исполкомов. Список вопросов, по которым сельсоветы могут издавать обязательные постановления, должен быть специально выработан. Удачность его составления предопределяет и успешную работу сельсоветов в этой области.

Очень важные упрощения новый закон устанавливает также в деле наложения административных взысканий. По закону от 6/IV взыскания налагались вол. или райисполкомом. Этот порядок при ограниченности размера взысканий, не превосходящих 3 рублей штрафа или 5 дней принудительных работ, а на практике выражавшихся зачастую в рублевых штрафах, создавал чрезвычайную волокиту.

К этому надо добавить, что и самый срок для вынесения постановления о наложении взыскания ограничивается двумя неделями и лишь в некоторых местностях с разрешения Народного Комиссариата Внутренних Дел может быть продлен до месяца. А между тем, ходящие дела по инстанциям из сельсовета и обратно продолжают очень часто около 3 месяцев, что лишает даже

всякого смысла само наложение взыскания за мелкие правонарушения, т. к. из самого понятия административного взыскания вытекает необходимость быстрого его осуществления.

Все это в связи с положением закона, что к приведению в исполнение постановления о наложении взыскания должно быть приступлено не позднее 2-месячного срока со дня вынесения постановления, привело к необходимости упрощения и ускорения порядка наложения взысканий с приближением органа, налагающего взыскания, к нарушителю.

Поэтому встал вопрос о передаче права наложения взысканий сельским советам. Эта мера вызвала большие возражения и в Совпаркоме и принята была лишь в условной форме.

По положению от 21/XI вол. и райисполкомы могут передавать отдельным сельским советам наложение административных взысканий, в виде: а) предупреждения, б) штрафа до одного рубля, в) принудительных работ до 2 дней.

Таким образом, с одной стороны, обеспечивается, что правом этим будут пользоваться только сельсоветы, достаточно окрепшие, с другой, что размер взысканий не даст возможности проявиться административному произволу.

Вместе с тем во многих случаях будет обеспечена значительная быстрота и простота наложения взысканий. Следует отметить, что интересы граждан охраняются также и тем, что поданная жалоба приостанавливает проведение взыскания в исполнение.

Можно на основании сказанного считать, что осторожное решение в этом вопросе на ближайшее время является наиболее правильным. В инструкционном порядке придется уточнить вопрос, кто именно в сельсовете будет налагать взыскания. По ст. 17 положения о сельских советах (С. У. 1924 г. № 82, ст. 827) сельский совет заседает не менее одного раза в две недели. Возможно, что в некоторых случаях, в особенности в период полевых работ, заседания сельсовета созываются реже. Поэтому возникает сомнение, целесообразно ли для вынесения постановления о наложении взыскания дожидаться каждый раз заседания совета. Да и вынесение такого постановления в многолюдном собрании не представляется достаточно удобным. Передавать же это право в промежутках между заседаниями председателю сельсовета также представляется не вполне правильным, так как это дает ему слишком большую власть. Поэтому там, где нет исполкомов сельсоветов, возможно образование специальных комиссий во главе с председателем сельсовета для наложения административных взысканий. Такая организация позволит наиболее правильно разрешать вопросы о нарушениях обязательных постановлений.

Некоторое упрощение произведено и при наложении взысканий в районе. Вместо райисполкома право наложения взыскания передано начальникам районных административных отделений с последующим утверждением райисполкома.

Новостью является также установление точного порядка принесения жалобы на наложение административного взыскания. Жалоба должна быть подана в соответствующий сельский совет, который в 5-дневный срок обязан направить ее по назначению (вол. рай, уездный или окружной исполком) с приложением всех материалов и своим объяснением (если взыскание наложено сельсоветом) или заключением.

¹⁾ По постановлению СНК РСФСР от 29/X—26 г. о мероприятиях по борьбе с хулиганством (С. У. 26 г. № 77, ст. 581) издавать обязательные постановления по вопросам борьбы с хулиганством могли только край, обл., губ. и окрисполкомы.

С другой стороны, новый закон закрепляет положение, установленное инструкцией Наркомвнудела, по которому подвергшийся взысканию в виде принудительных работ поступает в распоряжение сельского совета и не используется им на работах, имеющих общественно-полезное значение (ремонт мостов, больниц, школ, дорог, гатей и проч.), производящихся в районе данного сельского совета.

Использование на принудительных работах производится бесплатно, что может, действительно, способствовать их реальному осуществлению.

Сказанным исчерпываются важнейшие изменения, внесенные в законодательство об обязательных постановлениях низовых органов власти в соответствии с проведенной НК РКК работой и постановлением Правительства от 23/VI.

Однако, новый закон значительно отличается от положения от 6/IV—25 г. и в других отношениях, даже самыми размерами (39 статей вместо 15).

Кроме детализации и конкретизации норм, ранее данных лишь в общей форме, на новое положение распространены все основные принципы, установленные для издания обязательных постановлений и наложения административных взысканий законом от 28/VI—26 г.

Отметим в заключение особое значение, придаваемое новым законом правильной постановке надзора за изданиями низовыми органами власти обязательных постановлений. Обязательные постановления должны в двухдневный срок со дня их подписания препровождаться в вышестоящий исполком, прокурору, а также уездному или окружному административному отделу.

Если прокурор признает обязательное постановление незаконным, он должен сообщить через вышестоящий исполком соответствующему вол. или районному своему протест не позднее, чем в двухнедельный срок со дня получения им постановления.

Подводя итоги сказанному, мы должны признать, что новый закон, расширяя права низовых органов власти по изданию обязательных постановлений и наложению административных взысканий, избегает перегиба палки и построен достаточно осторожно. Осторожность эта вполне понятна именно в сфере административной, где особенно возможен так называемый «административный восторг». Во всяком случае, те мероприятия, которые осуществлены в этой области в настоящее время, вытекли из изучения фактического положения и могут считаться достаточно назревшими.

А. Турбинер.

Разграничение компетенции президиума и пленума местных судебных органов.

Пределы компетенции председателя, президиума и пленума губернских судов определены ст.ст. 46—50 Пол. о Судеустройстве, областных (краевых) судов—ст.ст. 114—120 того же положения, с некоторым изменением по отношению к губернским судам, применительно к условиям, вытекающим из объема этих судов по новому административному районированию.

Вся полнота ответственности по руководству и управлению судебно-следственными органами в пределах административно-территориальной единицы, а равно гу-

бернского или областного центра Положением о Судеустройстве возлагается на президиумы этих судов: «Президиум губ. суда несет ответственность за правильность и целесообразность постановки всей работы в губ. суде и за точное и неуклонное исполнение существующих законоположений и распоряжений как в самом губсуде, так и во всех подчиненных ему учреждениях».

На президиум, как коллегиально ответственный орган местного суда, наблюдающий за состоянием и деятельностью судебно-следственных органов губсуда и состоящий из председателя и двух заместителей, возлагается: а) распределение членов суда по отделениям; б) возбуждение ходатайств перед НКЮ об увеличении общего количества членов суда; в) назначение ревизий судебно-следственных органов; г) назначение и перемещение следователей; д) предварительное обсуждение вопросов, подлежащих внесению в пленум, кроме вопросов, связанных с отменой и пересмотром приговоров и решений, в том числе проектов циркуляров и инструкций; е) наблюдение за деятельностью нотариата и коллегии защитников.

На пленум, как административно-судебный центр, палочный состав которого состоит из палочного состава президиума, членов суда, запасных судей, приглашенных отдельных судебных работников и прокурора, возлагается: а) рассмотрение всех вопросов, связанных с определением границ и числа участков, избранием, отзыванием и перемещением низовых судебно-следственных работников, уполномоченных, назначением нарсудей в состав земельных комиссий и по делам о несовершеннолетних; б) рассмотрение отчетности нарсудей по докладом отдельных членов суда; в) заслушивание докладов о результатах ревизий судебно-следственных участков; г) заслушивание периодических докладов президиума, завед. отделами, уполномоченных, нарсудей, следователей, президиума коллегии защитников, комиссий по делам о несовершеннолетних, земельных и преподавание по докладом руководящих указаний; д) возложение на уполномоченных производства ревизий судебно-следственных органов; е) выработка наказов и инструкций для подведомственных учреждений; ж) разрешение вопросов о привлечении к дисциплинарной ответственности судебно-следственных работников, дела о которых подсудны дисциплинарной коллегии суда; з) рассмотрение вопросов, связанных с неясностью или неполнотой действующих законов в связи с конкретным делом, представлений губпрокурора и председателя суда об отмене в порядке надзора вошедших в законную силу приговоров и решений.

При изложенном разграничении компетенции по управлению и руководству местными судебно-следственными органами права председателя суда чрезвычайно ограничены и по действующему Положению сводятся а) к наблюдению за своевременным составлением списков народных заседателей; б) к наблюдению за своевременным финансированием народных судей и следователей и истребованию отчетности от них; в) представлению отчетности о деятельности в губисполком и НКЮ; г) наблюдению за работой канцелярии; д) созыву пленарных заседаний.

Чрезвычайно ограниченная и подчиненная роль председателя суда в деле руководства и управления особенно характерно вытекает из ст. 47 п. «б» того же Положения о Судеустройстве, в силу которой председателю губсуда, председательствующему в пленуме, предоставляется право по собственной инициативе вносить вопросы в пленум, но не иначе, как через предварительное обсуждение их в президиуме. Таким образом, по суще-

ству компетенции председателя губсуда сводится к представительству, наблюдению за работой канцелярии, поднеси бумаг и сношению по делам губсуда с НКЮ и шыми ведомствами.

Изучение на выборку работы президиума Иваново-Вознесенского губсуда за 1927 год устанавливает, что за время с января по 15 ноября прошло 27 заседаний, а предположительно за год 30 заседаний, или в среднем 3 заседания в месяц.

Общее количество вопросов, подвергнутых обсуждению в заседаниях президиума, равно 120 за 10½ мес., что составляет в среднем 5 вопросов на одно заседание.

Из прошедших на заседаниях президиума вопросов главное место занимают вопросы личного состава и укомплектования (48%) и разные, по административной и управлению (15%), остальное количество вопросов распределяется между вопросами: организационными, о результатах ревизии, по обсуждению и утверждению циркуляров, дисциплинарным, районирования, планирования, и проч.

Если предположить, что каждое заседание президиума в среднем продолжается минимально один час, то на все заседания президиума (предположительно 30 в год) для четырех ответственных работников суда и прокурора расход времени определяется в 15 человеко-дней в год, что в переводе на стоимость, из расчета отпускаемых средств на содержание личного состава, составляет 450 рублей в год.

По Саратову, президиум губсуда имел 57 заседаний (по данным обследования суда о работе президиума за 1926 год), в которых рассмотрено 474 вопроса или 8—9 на одно заседание.

Среди прошедших вопросов через президиум, вопросы личного состава занимают 57%, разные мелко-административные—31%, остальное количество небольшими долями распределяется между теми же вопросами, приведенными выше по Иваново-Вознесенскому губсуду.

Исходя из той же средней нормы времени на одно заседание в один год, среднее годовое время на все заседания президиума по Саратову определяется в 28 человеко-дней в год или составляет 1 месяц рабочего времени для каждого из 4 ответственных работников суда и прокурора, с общей стоимостью этого времени до 700 руб. в год.

Изучение работы президиума Иваново-Вознесенского губсуда устанавливает, что последний на 50% занят обсуждением мелких административных вопросов, которые по своему содержанию и значению засоряют работу президиума, как коллегиального органа по управлению, и подлежат компетенции председателя суда.

К таким вопросам, например, можно отнести: о назначении на должность судебного исполнителя, на должность секретаря уполномоченного, об освобождении народного судьи от должности по его заявлению, о представлении в состав коллегии защитников, о продлении отпуска, о назначении делопроизводителя судебным исполнителем, о назначении на должность нотариуса, об увеличении ставки и т. д., и т. п.

Перечень такого рода вопросов мог бы занять целую страницу.

50% времени президиума и исчисленной стоимости его по двум губсудам, в масштабе всей периферии НКЮ представляет из себя непроизводительную затрату времени и средств на разрешение мелких административно-управленческих вопросов тем более, что значительная часть их—вопросы личного состава, районирования

(вплоть до вопроса о переименовании камеры), обсуждения и утверждения циркуляров НКЮ или разработанных ИРО и ряд более мелких других (о часах занятий)—обсуждается и решается вторично в пленуме, благодаря чему создается излишняя инстанция, порождающая волокиту, нецелесообразно удорожается стоимость рабочего времени, а все вместе ведет к параллелизму и дублированию пленумом работы президиума.

Изучение работы пленума того же Иваново-Вознесенского губсуда устанавливает, что за время с января по декабрь 1927 года прошло 36 заседаний пленума, а предположительно за год 38 заседаний или в среднем 3 заседания в месяц.

В заседаниях пленума за 11 месяцев рассмотрено 245 вопросов или в среднем 7—8 вопросов в каждом.

Среди рассмотренных пленумом вопросов основное место (до 65%) занимают вопросы руководства и надзора по вопросам судебной практики, остальное количество падает на вопросы личного состава (20%), районирования, обсуждения циркуляров или их утверждение, о передаче дел уполномоченным для разбора и др. Если предположить, что каждое заседание пленума в среднем продолжается 3 часа, то годовой расход времени на участие в заседаниях пленума для 3/4 состава его (из 16 чел.) или на 12 человек выразится в 171 человеко-дней (при уплотнении раб. дня до 8 час.), а общая стоимость времени свыше 10.000 руб.

Пленум Саратовского губсуда за 1926 год имел 42 заседания, в которых подвергнуто обсуждению 282 вопроса.

Из перечня прошедших через пленум вопросов видно, что только 40% из них имели отношение к вопросам надзора и судебной практики, остальное количество распадается следующим образом: о личном составе—36%; утверждение циркуляров и инструкций—14%; районирование и организационные—7%; плановые—1%.

Предполагая, что постоянный состав пленума Саратовского губсуда определяется при 3/4 наличного состава работников в 23 человека, средний расход рабочего времени на участие в заседаниях пленума при той же минимальной средней норме в 3 часа на одно заседание для всех участников определится в 362 человеко-дней в год.

Общая стоимость затрачиваемого рабочего времени на заседания пленума для всех 23 чел., исчисленная из расчета месячного содержания, отпускаемого работникам суда, составляет свыше 20.000 рублей.

Приведенные соображения и расчеты о работе пленума по двум губсудам приводят к выводу о том, что работа пленума, призванного по идее к роли авторитетного судебного центра, корректирующего предоставленными ему законом правами судебную практику, в действительности в значительной своей части сводится к обсуждению мелких, непринципиальных вопросов, засоряющих его компетенцию и назначение вопросами дублирования работы президиума по управлению и администрированию.

Так, например, пленумом Иваново-Вознесенского губсуда за минувший год подверглись обсуждению следующие вопросы: о командировании на курсы, о замещении вакантных должностей в низовом аппарате, о перемещениях, о переводе уполномоченного, о персональном сокращении нарсудьи, о принятии на должность нарследователя, о передаче дел на рассмотрение уполномоченным и т. п., что только по вопросам личного состава составляет 20% общего количества вопросов.

Разграничение компетенции между председателем, президиумом и пленумом губсудов по действующему Положению о Судеустройстве в значительной мере уста-

рело. Накопленный за десятилетие опыт в области управления и руководства судебными органами, рост квалификации и общих знаний ответственных судебных работников выдвигают перед Коллегией НКЮ вопрос о пересмотре соответствующего раздела Положения о Судеустройстве.

Необходимо расширить компетенцию президиума и председателя суда, уточнить права и взаимоотношения этих органов.

Права пленума необходимо конкретизировать функциями толкования вопросов судебной практики, исправления ее по конкретным делам, заслушиванием отчетных докладов и результатов ревизии, все остальные вопросы, тесно связанные с управлением и администрированием, разделить между президиумом и председателем суда.

Размежевание компетенции, регламентирование взаимоотношений пленума, президиума и председателя суда на практике упростит работу этих органов, прекратит существующий параллелизм и смешение функций и отразится значительной экономией на рабочем времени ответственного состава суда, непроизводительно затрачиваемом в настоящее время на частые и длинные заседания с зароможденной повесткой дня.

Г. Ш—н.

Закон и колдоговор.

В статье «Закон или колдоговор» («Е. С. Ю.» 1927 г. № 50) тов. С. Березовская затронула очень серьезный и интересный вопрос о коллизии между колдоговором и вновь изданным законом, когда закон ухудшает положение трудящихся по сравнению с нормами действующего колдоговора. Автор довольно решительно высказывается за применение в этих случаях к трудовым отношениям изданного закона, а не колдоговора, так как иначе «народное хозяйство в части трудовых отношений все время жило бы не по законам, а отставая от них на определенный и весьма значительный промежуток времени (срока действия колдоговора)».

Нужно отметить, что точка зрения автора нашла, по-видимому, подтверждение и в практике НКТрудовых кругов: в № 11 «Вопросов Труда» за 1927 г. в разделе «Ответы читателям» (стр. 167) дано разъяснение, что «в случае установления законодательными органами каких-либо обязательных твердых норм, ухудшающих положение рабочих и служащих по сравнению с нормами данного колдоговора, должен применяться закон».

Мы, со своей стороны, также признаем, что в наших условиях, в условиях планового хозяйства, фактическая отсрочка вступления в силу тех или иных законов до окончания срока действия колдоговоров противоречила бы в ряде случаев интересам и задачам планового руководства трудовыми отношениями; но в то же время способы осуществления этих интересов должны быть безусловно увязаны как с принципами трудового законодательства, так и с сущностью колдоговорной работы профсоюзов.

Обращаясь к условиям введения в действие некоторых законов, ухудшивших формально правовое положение отдельных групп трудящихся, мы встречаем иногда положение другого, чем указало выше, порядка.

Например, согласно разъяснения НКТ СССР от 24/VIII 1926 г. за № 186/522 («Изв. НКТ» 1926 г. № 33) «заключенные до опубликования закона ЦИК и СНК СССР от 4/VI 1926 г. об условиях труда на сезонных работах коллективные договоры остаются в силе и могут быть «изме-

нены лишь по соглашению сторон, заключивших договоры». В отмену данного разъяснения постановлением НКТ СССР от 1/II 1927 г. за № 15 «Изв. НКТ» 1927 г. № 5) вновь указало, что «все коллективные договоры, заключенные до дня опубликования соответствующего перечня сезонных работ, остаются в силе. При этом в случае отсутствия в указанных коллективных договорах каких-либо указаний о лицах, занятых на сезонных работах, коллективный договор и после издания соответствующего перечня распространяется на лиц, занятых на сезонных работах. Изменение указанных колдоговоров допускается лишь по соглашению сторон, а при недостижении соглашения—в конфликтном порядке».

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 14/I 1927 года об условиях труда временных рабочих и служащих («Изв. НКТ» 1927 г. № 12), хотя и в менее категорической форме, дается, примерно, такое же решение вопроса: «Действующий в данном предприятии, учреждении или хозяйстве коллективный договор (тарифное соглашение) распространяется на временных рабочих и служащих лиц в случаях и пределах, предусмотренных этим договором (соглашением)». Как редакция данного пункта («действующий» колдоговор), так и общий его смысл указывают, что если в колдоговоре специально оговорено о распространении на временных работников тех или иных норм колдоговора (трудового законодательства), то эти нормы продолжают существовать по отношению к временным работникам, несмотря на издание закона от 14/I 1927 г.

Подобное же разрешение вопроса о взаимодействии закона и колдоговора мы находим и в постановлении СНК РСФСР от 2/VII 1923 г. о квартирниках (Изв. НКТ 1923 г. № 24): «когда наниматель заключил с профсоюзом коллективный договор..., то действие колдоговора распространяется и на квартирников, при чем если в самом договоре не установлены пределы его распространения на квартирников, то с изменениями, вызываемыми настоящим постановлением». Следовательно, и здесь, если в колдоговоре оговорены пределы распространения его на квартирников, постановление СНК от 2/VII 1923 г. не применяется в соответствующей части до истечения срока действия колдоговора.

Как видим, законодатель при издании трех самых основных актов в сфере «трудовых отношений» (условия труда квартирников, сезонных и временных работников), отверг абсолютную обязательность замены норм колдоговора нормами закона, попытавшись найти некоторую среднюю линию.

Если теперь данный вопрос рассмотреть еще и с точки зрения сущности колдоговорной работы профсоюзов, мы придем к выводу о явной ошибочности в ряде случаев точки зрения о безусловности погашения законом норм колдоговора.

Возьмем простейший пример: по п. «ж» ст. 47 Код. зак. о труде трудовой договор может быть расторгнут нанимателем, если трудящийся не посещает работу по болезни, длящейся свыше 2 мес.; практика показала, что 2 мес. срок недостаточен, и по значительному числу колдоговоров профсоюзам удалось добиться 4-месячного срока; допустим, что будет издан закон об увеличении указанного в п. «ж» ст. 47 КЗоТ срока до 3 месяцев. По теории тов. Березовской обязательство нанимателя о 4-месячном сроке нужно будет считать утратившим силу с заменой его нормой закона—3 мес.

Подобное решение вопроса, с точки зрения правовой сущности колдоговорной работы профсоюзов, является, конечно, бессмыслицей.

Следует также иметь в виду, что при наличии у нас некоторой доли частного капитала автоматическая замена во всех случаях нормы колдоговора с частным предпринимателем худшей нормой вновь издаваемого закона будет ухудшением положения рабочих за счет улучшения положения пашмана. Двойственность нашего советского трудового права (госпромышленность и частный капитал) является одной из его характерных особенностей, и эту особенность нельзя ни в коем случае забывать, если хотим, чтобы наша трудовая политика (и право) были тесно увязаны с интересами хозяйства и пролетариата СССР.

Исходя из всех приведенных нами соображений, мы считаем необходимым вопрос о взаимоотношении колдоговора с вновь изданным законом, ухудшающим положение работников, разрешить на следующих основаниях:

1) Закон автоматически изменяет правовые условия труда работников, независимо от существования коллективного договора, если таковой договор:

а) совершенно не регламентирует те стороны труда, что предусмотрены вновь изданным законом («прочие условия труда определяются КЗоТ и изданными в развитие его постановлениями и разъяснениями», как обычно говорит в таких случаях колдоговор), или

б) хотя колдоговор и содержит нормы, касающиеся данных сторон труда, по помещению их в договор носило исключительно, так сказать, технический характер (для полноты колдоговора), не представляя собою каких-либо достижений профсоюза.

2) В остальных случаях, за исключением особо указанных в законе, нормы колдоговора сохраняют свою силу до окончания срока действия договора. В частности, нормы колдоговора остаются в силе и после издания закона, если:

а) данные нормы колдоговора установили лучшие условия труда по сравнению с законом, действовавшим к моменту заключения договора, или

б) данные нормы специально указаны в колдоговоре с определенной целью закрепить в порядке внезаконодательного правотворчества те или иные условия труда (ср. квартирников и др.).

3) В случаях, особо указанных в законе, нормы колдоговора могут сохранять свою силу после издания соответствующего закона, хотя бы и при наличии условий, упомянутых выше в п. 1 (напр., закон о сезонных работах).

4) Наличие в колдоговоре оговорки, что «всякое ухудшение условий труда по сравнению с нормами настоящего договора не может иметь места до истечения срока действия колдоговора», устраняет возможность замены норм договора нормами закона. Подобные оговорки мы уже встречали в практике колдоговорной работы союзов, и применение их возможно в соглашениях с частным предпринимателем, а в некоторых случаях, даже и в соглашениях с госорганом, когда это целесообразно по политическим или иным соображениям.

5) Разрешение между союзом и напимателем споров, связанных с заменой в тех или иных случаях норм колдоговора нормами закона, происходит в конфликтном порядке. Подобный спор есть спор о противоречии колдоговора закону, а таковые споры по разъяснению Пленума В. С. РСФСР от 28/VI 1926 г. («Суд Практ.» 1927 г. № 13—14, прот. № 10), подлежат рассмотрению примирительных органов.

О. Енохина.

Упрощение гражданского процесса и предложения НК РКИ.

(По поводу статьи т. Кумыкина—«Е.С.Ю.» № 4 28 г.)

Тов. Кумыкин подверг в своей статье «убийственной критике» два предложения РКИ, имеющие своей целью упростить гражданский процесс. Первое из разбираемых предложений, «оплата утерянного рабочего времени за участие в сутяжническом процессе», имеет своей целью не столько упрощение самого процесса, сколько уменьшение количества дел в суде. Практика показала, что и в нарсуде и в губсуде происходит целый ряд необоснованных и «раздутых», преувеличенных исков. Нужно ли бороться с этим злом? Этого как-будто никто не отрицает, в том числе и т. Кумыкин. Но каковы средства борьбы? РКИ и выдвинула одно из тех средств, которое должно помочь суду вести эту борьбу, тов. же Кумыкин находит это средство негодным, однако, с своей стороны взамен почти ничего не предлагает. Попытаемся разобрать критику т. Кумыкина и доказать ее неосновательность. «Возместить стороне, вовлеченной в сутяжнический процесс, все 100% понесенных ею расходов, оплатил ей даже полностью все то время, которое она потратила на явку в суд,—цель благая»,—так т. Кумыкин начинает свою критику, по поводу первого из критикуемых им предложений, но тут же задает вопрос, а какую же связь она имеет с задачей «уменьшения количества неосновательных исков», и дает категорически отрицательный ответ. Доводы для такого ответа следующие. Когда дело ведется через представителя, ответчик времени не теряет, а примечание к 46 ст. ГПК дает возможность суду возместить ответчику понесенные расходы на оплату представителя—это положение само по себе верно, но тов. Кумыкин забыл, что речь идет о «возмещении за потраченное рабочее время», т.е. когда ответчиком является трудящийся; в этих случаях или представители совсем не бывает (что чаще всего), или представитель является своеобразным консультантом на суде, что не избавляет самого трудящегося присутствовать на суде. Поясим примером: к крестьянину пред'явлен иск, даже для того, чтобы договориться с представителем, членом коллегии защитников, он должен поехать в лучшем случае в волостной центр за 5—10 верст, а в большинстве случаев в уездный город за несколько десятков верст. Если он поехал заранее, до слушания дела, то в день слушания дела или через некоторое время необходимо поехать для того, чтобы узнать результат рассмотрения дела. Чаще же всего бывает так, что ответчик крестьянин приезжает в суд, тут же договаривается с представителем и сам присутствует на суде. Спрашивается, будет ли вправе суд по смыслу предложения РКИ взыскать с истца неосновательно, явно сутяжнически пред'явленного иска в пользу ответчика-трудящегося, не только на оплату представителя, но и за потерянное рабочее время? Конечно, да.

Но дальше из доводов т. Кумыкина вытекает следующий вопрос: будет ли способствовать уменьшению количества неосновательных исков или вообще борьбе с сутяжничеством специальное присуждение в пользу стороны за утерю рабочего времени в связи с участием в сутяжническом процессе. И на это т. Кумыкин отвечает отрицательно, ибо, мотивирует он, «специальное возмещение практически соединится с судебными издержками и прочими суммами, присужденными в пользу стороны, утратит свое специальное назначение. Никакого эффекта,

необходимого в деле борьбы с сутяжничеством, не будет (а путаница в исчислениях получится большая).

Этот довод, на мой взгляд, не выдерживает никакой критики. В самом деле, разве для того, с кого деньги взыскиваются, имеет какое-либо значение, смешаются ли нет у противной стороны эти «специальные суммы» с другими суммами? Ведь здесь важно одно: лицо, затеявшее сутяжнический процесс, несет за это специальное «наказание» в виде оплаты утерянного противной стороной рабочего времени. Соответствующий эффект будет независимо от того, смешаются ли у ответчика эти деньги с другими или нет.

Наконец, откуда взято, что суммы смешаются; суд ведь обязан указать в своем решении за что взыскивает, а фактическое смешение «денежных знаков» значения не имеет.

Как выход, т. Кумыкин предлагает встать на путь Украинского ГПК, предоставив суду право подвергать сутяжников и их представителей штрафу, следовательно, весь вопрос в этой постановке сводится к тому, в чью пользу этот штраф будет взыскиваться, в пользу государства, или пострадавшей стороны.

Мне думается, что наиболее целесообразным и справедливым будет взыскать в пользу потерпевшего, последнему, потерявшему рабочее время, понесшему убыток из-за сутяжника, не станет теплее от того, что государство получит от виновника штраф, а государство от этих штрафов не разбогатеет. Во всяком случае эффект от взыскания, в пользу ли пострадавшего или государства, будет несомненно, цель—борьба с сутяжниками—будет достигнута, но при проведении предложения РКИ достигается еще и другая цель—вознаграждение трудящегося за утерянное рабочее время, а это имеет огромное значение.

Переходя ко второй части критикуемого предложения о возможности взыскать «не только в пользу стороны выигравшей, но и в пользу стороны проигравшей». Тов. Кумыкин называет эту часть предложения сплошным недоразумением, ибо, мотивирует он, «удовлетворение судом претензий истца и не только в целом, но даже в части, является прямым доказательством, что иск был предъявлен основательно». А мы спросим т. Кумыкина: является ли удовлетворение иска в части или в целом доказательством того, что само обращение в суд было необходимым и нельзя ли было обойтись без судебного процесса? Практика показывает, что на этот вопрос надо ответить отрицательно. Или ответчик вовсе не спорил против иска и произвел бы уплату без обращения в суд, только при одном напоминании, или иск предъявлен на сумму гораздо большую, чем признавал ответчик. Нет необходимости доказывать, что в последнем случае при удовлетворении иска только в той части, которую признавал ответчик и до суда, само предъявление иска было неосновательным и потерявший зря рабочее время в суде имеет право на возмещение убытков.

Неправ т. Кумыкин, что в этих случаях ответчику необходимо все равно ходить в суд, ибо предъявление действительного требования, а не «раздутого» избавило бы истца от предъявления иска, а ответчика от траты времени на хождение в суд. Но вернемся к первому случаю, когда иск в целом основателен, ответчик его не оспаривает, но вместо того, чтобы обратиться непосредственно к должнику, истец обращается в суд и затевает никому непужный судебный процесс.

И вот тут-то т. Кумыкин приходит в полное недоумение и спрашивает: какие такие случаи имел в виду

автор предложения. Правда, т. Кумыкин приводит два, так называемых, «законных» случая (ст. 171-а ГК и ст. 5 пост. ВЦИК и СНК от 18 октября 1926 г. (С. У. 1926 г. № 72, ст. 570) и спрашивает, эти ли случаи имел в виду автор предложения и стоит ли для этого вводить специальный закон. Тов. Кумыкин, не эти два «законных» случая имел в виду автор предложения, а те «жизненные» случаи, которые встречаются каждодневно и в каждом суде! Ведь это предложение не надумано «в кабинете», а к такому выводу пришли на основании данных, собранных в народах как Московской, так и целого ряда других губерний. Эти данные показали, что нередки случаи, когда ответчик является в суд в полном недоумении, почему его контрагент затеял судебный процесс, т. к. он никогда не отказывался удовлетворить требования истца.

Но здесь т. Кумыкин ставит другой вопрос, как суд установит, что было бы, если бы со стороны истца было сделано ответчику «предупреждение»: верить заявлению ответчика нельзя, свидетельскими показаниями установить тоже нельзя, следовательно, по мнению т. Кумыкина, суд обречен на полную невозможность установить это обстоятельство. Я думаю, поставить следует другой вопрос: мыслимо ли вообще установить такое обстоятельство, а именно, удовлетворил ли бы ответчик требование истца без обращения в суд только при одном «напоминании»? На этот вопрос, конечно, следует ответить утвердительно. А какими средствами? Это уже предоставим суду, это его право избирать тот или иной способ, те или иные доказательства.

А что если суду не удастся установить правдивости заявления ответчика, тогда суд не воспользуется своим правом вознаградить ответчика за утерянное время, и только.

Вот почему нам кажется, что предложенное РКИ средство для борьбы с сутяжниками и сутяжничеством (предъявление неосновательных и «раздутых»—преувеличенных исков) является радикальным, жизненным и все сомнения т. Кумыкина неосновательными.

Следует только пожелать, чтобы это предложение скорее получило форму закона.

Кратенько, но очень «убедительно» т. Кумыкин останавливается на другом предложении РКИ (п. 4 раздела А)—о вынесении немотивированного решения при наличии признания иска со стороны ответчика.

В этом предложении он усматривает чуть ли не покушение на «основы советского гражданского процесса» и возврат к дореволюционному состязательному процессу. Откуда сие видно? Разве РКИ предлагает суду безоговорочно следовать за стороной, признавшей иск? Ничего подобного. Никто не думает, мне кажется, покушаться на права суда свободно оценивать доказательства, в том числе и «признание», но коли суд пришел к выводу, что между сторонами фактически «спора-то и нет», что требование истца является действительным, а не мнимым, спрашивается, зачем выносить «мотивированное решение». Думается, нет пужды тратить ни времени, ни энергии и без того перегруженного судьей. А как же кассация, спрашивает, т. Кумыкин, ведь она лишена будет возможности проверить правильность решения. По-моему, это, по меньшей мере, недоразумение. Что проверять, если из протокола видно, что ответчик иск признал, а суд таковой удовлетворил? Но мне кажется, что РКИ в этом вопросе остановилась на полпути, следовало бы дополнить это предложение 2 частью, а именно, что по такого рода делам стороне, признавшей иск в основании

и размере, должно быть запрещено приносить кассационную жалобу. Нельзя допустить, чтобы судебная машина работала по капризу стороны, сегодня иск признал, а завтра раздумал, принес касс. жалобу. Для отдельных ошибок остается исключительный надзорный порядок. Напомним, что согласно ст. 187 ГПК решения по делам, основанным на признании иска, подлежат немедленному исполнению, следовательно, если сейчас поднимается вопрос, что по некоторым категориям дел решения суда 1 инстанции должны быть окончательными и не подлежат обжалованию, то в первую очередь это должны быть дела, по которым иск в суде был признан. Повторяю, это несколько не значит, что суд должен беспрекословно следовать за стороной в процессе, здесь состязательностью не пахнет, суд может и отказать в иске, как это и бывает в исках об исключении из описи при наложении ареста на «общее имущество», но коли суд считает необходимым в этих случаях иск удовлетворить, то с точки зрения упрощения процесса и борьбы с волокитой, необходимо не только принять предложение РКИ, но и дополнить его, запретив по этим делам кассационное обжалование.

Абрамов.

Арендная плата за земельные участки, сдаваемые по праву застройки, и рентное обложение.

Принцип установления арендной платы за земельные участки, сдаваемые на праве застройки.

До 1926 г. в законодательстве о праве застройки в отношении арендной платы за земельные участки, сдаваемые под застройку, господствовал принцип соглашения. Инструкции НКВД и НКЮ как от 31/I—23 г. («Бюлл. НКВД» 23 г. № 4), так и от 5/XI—23 г. («Бюлл. НКВД» 23 г. № 27) размер и сроки взносов арендной платы ставили в зависимость от усмотрения коммунального отдела, при чем указывали, что более высокая плата назначается за земельные участки, предназначенные под строения торгово-промышленного назначения, а пониженная плата—за участки, предназначенные для жилищного строительства. Повышение арендной платы устанавливается в самом договоре с указанием сроков повышения и размеров его; арендная плата за земельные участки может быть повышаема в самом договоре не чаще, чем через каждые 5 лет (прим. 2 к ст. 73 Гр. Код.).

В целях развития жилищного строительства рекомендовалось «повышение арендной платы за участки, предназначенные для застройки под жилье, устанавливать каждый раз не выше, чем на 10% против предыдущей платы».

С изданием инструкции НКВД и НКЮ от 12/XII—25 г., опубликованной в 1926 г. («Бюлл. НКВД» 26 г. № 1—2) этот принцип соглашения был весьма жестко ограничен. Инструкция 12/XII—25 г. стала на точку зрения регулирования арендной платы, сузив применение принципа соглашения случаями застройки земельных участков строениями, содержащими менее 75% площади жилого назначения. Во всех же прочих случаях размер арендной платы должен был быть устанавливаем таким образом, чтобы он совпадал с размером оклада, причитающейся основной и дополнительной ренты, при чем, поскольку земельные участки, согласно ст. 76 Гр. Код., освобождены от обложения рентой (основной и дополни-

тельной) на 3 года со времени возведения строений, полностью и в размере 50% на все остальное время до истечения срока договора застройки, арендная плата в продолжение первых трех лет не взимается, а на все остальное время договора застройки понижается соответственно уменьшению ренты. Участки, отводимые под строительство рабочих жилищ, освобождаются от уплаты ренты полностью со дня отвода участка до истечения трехлетнего срока после возведения строения (ст. 76 Гр. Код. в редакции 18/X—26 г.).

Таким образом, размер арендной платы по основной массе договоров застройки земельных участков строениями жилого назначения определяется в размере оклада основной и дополнительной ренты.

Арендная плата по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 7/II 1927 года.

Дальнейшее развитие и уточнение этот принцип определения арендной платы за земельные участки, сдаваемые под застройку в городах и рабочих поселках в размере оклада ренты, получил в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 7/II 1927 г. (С. У. 27 г. № 17, ст. 110).

Согласно этого закона, горсоветы или соответствующие им исполнительные комитеты устанавливают арендную плату за эти участки в зависимости от категории застройщиков и назначения построек.

Всего закон различает 4 категории застройщиков:

- а) рабочие жил.-строит. коопер. товарищества и гос. учреждения и гос. предприятия, возводящие рабочие жилища;
- б) общегражданские жил.-строительные кооперативные товарищества;
- в) частные застройщики и
- г) гос. предприятия и гос. учреждения, кооперативные и общественные организации, возводящие жилые и нежилые постройки, за исключением случаев, указанных под лит. «а».

Что же касается назначения строений, то закон 7/II 1927 г. различает помимо указанного выше разделения строений, возводимых гос. учреждениями и гос. предприятиями, на строения жилого назначения, которые использованы под жилье в размере не менее 75% всей полезной площади и строения нежилого назначения.

В зависимости от того или иного взаимоотношения обоих этих признаков закон 7/II—27 г. определяет арендную плату за земельный участок в кратном отношении к окладу причитающейся основной и дополнительной ренты с данного земельного участка. Так, раб. кооперативы и гос. учреждения и предприятия, коим земельные участки отводятся для возведения рабочих жилищ, уплачивают арендную плату в размере причитающейся ренты при условии возведения не менее 75% площади жилого назначения.

Общегражданские жил. кооперативы при тех же условиях уплачивают арендную плату в размере 200% причитающегося оклада ренты и только при условии возведения исключительно жилых и служебных к ним построек арендная плата устанавливается для этой категории застройщиков в размере 150% причитающегося оклада основной и дополнительной ренты.

При возведении же этой категорией застройщиков торгово-промышленных помещений более 25% всей площади возводимого строения арендная плата устанавливается по соглашению.

Для частных застройщиков арендная плата устанавливается не свыше двойного (200%) размера оклада

основной и дополнительной ренты при возведении исключительно жилых и служебных к ним помещений. При возведении же, хотя бы в части, помещений торгового или промышленного назначения арендная плата устанавливается по соглашению.

Для гос. предприятий и учреждений, проф., кооп. и иных общественных организаций арендная плата за земельные участки под застройку жилыми строениями, но не рабочими жилищами, устанавливается в размере 150% оклада ренты при условии возведения не менее 75% полезной площади жилого назначения. В случае возведения ими строений нежилого назначения арендная плата устанавливается по соглашению, но не свыше 200% оклада ренты.

В тех случаях, когда на земельных участках, передаваемых застройщикам, имеются муниципальные строения, которые подлежат перестройке, восстановлению, достройке или надстройке, сверх арендной платы за землю взимается особая арендная плата за эти строения в размере амортизации строения и процентов на строительную стоимость его.

Амортизационные взносы на строения устанавливаются в размере не свыше одного процента в год со стоимости строения для каменных зданий и не свыше 2%— для деревянных.

Проценты на затраченный в строение капитал устанавливаются не свыше 8% годовых, для строений жилого назначения, а по соглашению— для строений торгового промышленного характера.

Арендная плата и новое законодательство о взимании ренты.

4 мая 1927 года было опубликовано новое положение о взимании ренты с городских земель, утвержденное ЦИК и СНК Союза 30 апреля 1927 г. («С. З.» 1927 г., № 22, ст. 244).

Одновременно с опубликованием этого положения было отменено положение 12 ноября 1923 года («С. У.» 23 г., № 114—115, ст. 1055), равно и правила взимания ренты, утвержденные СНК Союза ССР от 9 мая 1924 г. («Изв. ЦИК» от 18/VI—24 г.), и инструкции НКФ от 21/VI 1924 г. («Вестн. Фин.» № 58 от 2/VII—24 г.). Взамен правил и инструкции в «Вестнике Финансов» от 7/VI—27 г., № 34 опубликована утвержденная 21 мая 1927 г. инструкция НКФ СССР по применению нового положения о взимании ренты.

В действие новое положение введено с 1 октября 1926 г., т. е. оно имеет обратную силу, поскольку это прямо предусмотрено в ст. 1 вводного постановления ЦИК и СНК Союза от 30/IV—27 г. и действовало вплоть до 1 октября 1927 г., когда на основании постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 17 августа 1927 г. («С. З.» 27 г., № 48, ст. 494) были введены в действие новые правила взимания ренты с городских земель, также утвержденные ЦИК и СНК Союза ССР 17 октября 1927 г. 19/XI—27 г. Нар. Ком. Финансов был издан циркуляр № 95 («Изв. НКФ» № 7 за 27 г.) по применению на практике правил 17 августа 1927 г.

Все вышеперечисленные законодательные акты о взимании ренты в отношении права застройки содержат правило, согласно коего взимание арендной платы за земельные участки, сдаваемые на праве застройки, не допускаются (ст. ст. 15 и 16 положения 30/IV, §§ 27 и 36 инструкции 21 мая 27 г.; ст. 2 правил 17/VIII и § 8 циркуляра № 95 от 19/XI—27 г.).

Сопоставляя это правило с нормами постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 7/II—27 г., нельзя не констатировать наличия коллизии между ними, а равно целого ряда вопросов, возникающих при разрешении этой коллизии на практике.

Так, прежде всего возникает вопрос о том, подлежат ли применению ст. ст. 15 и 16 положения о взимании ренты от 30/IV—27 г. к договорам застройки, заключенным до 1/X—26 г., — даты, с каковой это положение было введено в действие, или нет.

Вопрос этот следует разрешить положительно в том смысле, что действие положения распространяется на все договоры, заключенные как до 1/X—26 г., так и после, поскольку с этого времени недопустимо одновременное взимание арендной платы за землю и ренты.

Поэтому с 1/X—26 г. начисление какой-либо арендной платы на застройщиков, коим по договорам были предоставлены под застройку пустопорожние земли, не может иметь места, и все внесенные после 1/X—26 г. суммы арендной платы должны быть возвращены застройщикам.

Далее, имеет ли комхоз право после 1 октября 26 г. взимать арендную плату, согласно ст. 6 постановления ВЦИК и СНК от 7/II—27 г., за муниципальные строения, сданные в порядке 84 ст. Гр. Код. по договорам застройки, заключенным до 1 октября 26 г., в которых арендная плата была выговорена выше причитающегося оклада ренты. Если комхоз вправе, то во всех ли случаях, предусмотренных в ст. 84 Гр. Кодекса, в частности: а) недостроенных—для достройки, б) разрушенных—для восстановления, в) допускающих надстройку новых этажей, г) допускающих пристройку, т. е. примычку, д) маломерных и малоценных—для перестройки, е) возведение дополнительных строений на свободной части селитебного застроенного участка.

По этому вопросу следует полагать, что действие ст. 6 закона 6/II—27 г. новым законодательством о ренте не отменено и коммунальное хозяйство имеет право взимать арендную плату за муниципальные строения независимо от взимания ренты.

В частности, взимание арендной платы возможно и в случаях, предусмотренных выше под лит. «б» и «д», когда строения могут быть совершенно снесены или ликвидированы в состав новых строений.

Взимание арендной платы в этом случае допустимо потому, что нет никаких оснований лишить коммунальное хозяйство права возместить таким образом утрату той дифференциальной ренты, которую оно извлекало бы от самостоятельной эксплуатации застроенного земельного участка и передать ее без какого-либо эквивалента застройщику, который присваивал бы ее без достаточных оснований. При этом, сдвая земельные участки со строениями для восстановления строений нежилого назначения, комхоз вправе взимать проценты на строительный капитал по соглашению, и даже когда строение малоценно, а дифференциальная рента данного участка по его местоположению и способу использования велика, взимать их в повышенном размере. Размер и колебание высоты процента зависят от строя и уклада экономической жизни города, района и улицы, от их статичности и динамики и от муниципальных мероприятий по общественному благоустройству, оборудованию путей сообщения, густоты населения и от прочих местных причин, создающих рентабельность данного участка.

Это право коммунальных хозяйств не стоит ни в каком противоречии с действующими законами о взимании ренты, так как они имеют в виду взимание не ренты

в точном научном смысле этого слова, а лишь арендной платы за землю, не более. Следовательно, дифференциальная рента городского застроенного участка, как доход собственника земли, современным законодательством о ренте не учитывается. Конечно, эта дифференциальная рента утрачивается в прочих случаях сдачи земли в застройку, т. е. в случаях сдачи пустопорожних земель или под жилищное строительство, но в этих случаях эта потеря, с одной стороны, имеет лишь характер упущенной выгоды, а не прямого ущерба, с другой — вытекает из политики смягчения жилищного кризиса.

Вызывает также недоумение и вопрос о том, как надлежит начислить арендную плату по договорам застройки на застроенные земельные участки, заключенные до 1/X—26 г., на будущее время.

При заключении таких договоров арендная плата устанавливалась в общей сумме и за землю и за строения, переходившие во временное обладание застройщика. Обособленно эти элементы арендной платы в договорах, заключенных до введения в действие закона от 7/II—27 г., никогда не указывались.

Первый элемент, т. е. арендная плата за землю, всегда поглощался рентой, т. к. последняя по положению 12/XI—23 г. взималась не сверх, а в составе арендной платы, при чем фактически это взимание осуществлялось путем соответствующего кассового перечисления.

Второй элемент — вознаграждение за пользование муниципализированным строением — в обособленном виде был выявлен в законодательном порядке лишь в постановлении ВЦИК и СНК от 7/II—27 г., ст. 6 коего предусматривает право взимания сверх арендной платы за землю еще и ар. платы за находящиеся на участке муниципальные строения.

С изданием же положения о взимании ренты от 20/IV—27 г. следует считать, что с 1/X 1926 года начисление арендной платы за земельный участок, как таковой, не допускается, что же касается ар. платы за пользование строениями, то таковая должна взиматься в полном соответствии со ст. 6 закона 7/II—27 г.

В соответствии с изложенным, арендная плата, которая в договорах застройки, заключенных до 1/X—26 г., определена аккордно, должна быть расчленена путем исключения из нее оклада ренты, исчисленной за 1925—26 год, как эквивалент, соответствующий арендной плате за землю, а оставшаяся сумма приведена в соответствие с требованиями ст. 6 закона 7/II—27 г.

Согласно ст. 2 правил 17 августа, лит. «а», взимание арендной платы не допускается с земель, обслуживающих строения, принадлежащие частным физическим и юридическим лицам на праве застройки. Возникает вопрос, с какого момента взимание арендной платы не допускается: с момента ли отвода земельного участка или с момента окончания постройки. Этот вопрос, конечно, следует разрешать в том смысле, что взимание арендной платы не допускается с момента отвода, а не окончания постройки, так как в этом случае льгота предоставлялась бы застройщику не в тот момент, когда он несет капитальные затраты на строительство, а в тот момент, когда он приступает к возврату этих расходов путем эксплуатации возведенного строения.

Приведенные вопросы имеют весьма актуальное значение в практике комхозов и настоятельно ждут авторитетного разъяснения со стороны соответствующих органов.

Вс. Соколов.

Итоги борьбы с растратами за 1 полугодие 1927 г.

В сводке о борьбе с растратами за 1 п. 1926 г. («Е. С. Ю.» № 7—1927 года) подробно указаны были те директивы, которые по линии суда и прокуратуры даны были НКЮ, а отчасти Верхсудом, начиная с июля 1925 г. и те практические мероприятия, которые проводились на местах органами юстиции в борьбе с растратами. В течение 1 п. 1927 г. мы имеем постановление СНК РСФСР от 16 марта 1927 г. по отчетному докладу НКЮ РСФСР «о борьбе с растратами и преступной бесхозяйственностью должностных лиц» («Е. С. Ю.» № 16—1927 г.). Постановление это, признавшее общую линию и мероприятия НКЮ в борьбе с растратами и преступной бесхозяйственностью должностных лиц правильной, дало целый ряд директив не только по линии органов юстиции, но и по линии РКИ, Госстраха, Наркомторга. Вопрос о мероприятиях к усилению борьбы с растратами предварительно обсуждался и разрабатывался на междуведомственных совещаниях при Прокуратуре Республики; разработанный совещанием проект и лег в основу постановления СНК РСФСР от 16 марта 1927 года.

Анализ директив СНК РСФСР показывает, что ими дана целая программа практических мероприятий по борьбе с растратами и преступной бесхозяйственностью должностных лиц на ближайшие годы. Речь идет не только о мерах уголовной репрессии, но и о мерах превентивного, предупредительного характера. Опыт борьбы показал, что растратам способствует плохая отчетность, хаос в делопроизводстве, слабость контрольной и ревизионной работы, отсутствие удовлетворительного учета движения товаров в торговых предприятиях, недостаточное уточнение и недостаточная дифференциация норм естественной убыли товаров (отсюда легализация фактических растрат под видом усушки, утруски и т. д.), законодательная неурегулированность вопроса об ответственности торговых служащих за недостатки, недостаточное использование гарантийного страхования и др. Поэтому п. п. 4, 5, 6, 7 постановления СНК от 16 марта 1927 г. в качестве предупредительных методов борьбы с растратами предлагают РКИ ускорить работу в области рационализации делопроизводства и отчетности, упорядочения и усиления внутреннего ведомственного контроля, рационализации методов ревизии, предлагается совместно с НКТоргом организовать периодический просмотр действующих норм естественной убыли товаров; хозорганы обязываются под страхом уголовной ответственности в специальных соглашениях с ответственными за целостность товаров лицами оговаривать нормы убыли; контролирующим и ревизионным органам предложено производить, кроме внезапных ревизий, плановые глубокие проверки и не позднее двухнедельного срока со времени обнаружения растраты представлять материалы ревизий органам прокурорского надзора и т. д.

Предупреждение (а не только последующее реагирование на совершившиеся растраты) предложено СНК и по линии прокурорской работы. Так, л. «ж» п. 2 постановления СНК предлагает:

«оживить работу губернских и уездных совещаний по борьбе с преступностью в направлении глубокой и систематической, основанной на тщательном изучении местных условий, разработки согласованных практических мероприятий по предупреждению (курсив мой. Н. Л.) растрат».

Вместе с тем по линии прокуратуры предложено было продолжать строжайшее наблюдение за неослаблением уголовной репрессии по этим видам преступности (для чего прокуроры обязываются, даже к сплошному просмотру приговоров по делам о растратах и бесхозяйственности), добиться жесткого соблюдения сроков для производства расследования и прохождения этих дел, всемерно усилить руководство расследованием, упорядочить учет движения преступности по растратам, усилить работу по вовлечению масс в борьбу с растратами.

Наконец, предложено было, путем соответствующего изменения процессуальных норм, установить, как правило, что гражданские иски, вытекающие из уголовных дел, рассматриваются судами совместно с последними, независимо от суммы иска, а также разработать проект конкретных мероприятий по урегулированию вопроса с бухгалтерско-хозяйственной экспертизой на предварительном следствии.

Такова в основных чертах та широкая программа практических мероприятий по борьбе с растратами, которая намечена была постановлением СНК РСФСР от 16 марта 1927 года.

Сейчас, когда мы располагаем полными отчетными материалами лишь за 1 п. 1927 г., не представляется возможным подвести итоги всему тому, что сделано по линии органов юстиции во исполнение указанных директив СНК РСФСР. Постановление СНК опубликовано было в апреле 1927 года, а следовательно только на протяжении 2½ месяцев фактически суд и прокуратура на местах имели возможность соответствующим образом ориентировать свою работу по борьбе с растратами. Срок—недостаточный для того, чтобы можно было подвести более или менее полные и исчерпывающие итоги.

Тем не менее, сообщения части прокуроров все же дают довольно отчетливую сводку всего того, что сделано во исполнение директив по борьбе с растратами. К сожалению, такие сведения дает только часть отчетов. Другая часть их ограничивается лишь беглыми данными о движении растрат, на основании которых трудно судить о том, в какой степени фактически принято к руководству постановление СНК от 16 марта 1927 г., что удалось за истекший, хотя краткий, период конкретно сделать в направлении предложенных СНК мероприятий. Здесь перед нами одна из слабых сторон нашей литературной отчетности.

В чем она заключается? Она заключается, на мой взгляд, в том, что отчетность недостаточно гибка, недостаточно, если можно так выразиться, инициативна, несколько формальна. Суть не в той или иной схеме отчетности (известно, что по прокурорской линии она прорабатывалась несколько раз и дальнейшая проработка ее включена в план 1 п. 1928 г.). Суть именно в формальном применении этой схемы. В отчетах даются ответы на те вопросы, которые предусмотрены схемой, но отчеты нередко молчат о таких вопросах, которые заранее никакими схемами предусмотреть нельзя, и которые тем не менее выплывают в процессе работы, как вопросы весьма серьезного общественного значения.

Ясно, что вопрос о том, в какой мере выполнена намеченная СНК программа мероприятий по борьбе с растратами, принадлежит к числу тех серьезных по своему значению вопросов, ответ на который мы вправе были бы ожидать от каждого отчета, независимо от схемы. Сказанное о дефекте литературной отчетности по части освещения борьбы с растратами отнюдь не является каким-либо отступлением в сторону от основной темы на-

стоящего очерка. Наоборот, из сказанного вытекает практический вывод о необходимости в предстоящих отчетах исправить указанный дефект и дать более четкие сведения о всем том, что сделано во исполнение постановления СНК от 16 марта 1927 г.

Попутно отмечу, что некоторые из предложенных СНК мероприятий по линии центральных органов уже проведены в жизнь. Так, соответственно п. 5 постановления СНК, от 16 марта 1922 г., признавшего желательным «скорейшее законодательное разрешение вопроса об ответственности торговых служащих за недостачи», разработал (ныне получивший утверждение) проект закона о пределах и порядке материальной ответственности лиц, занятых наемным трудом¹⁾.

Выполнены также предложения СНК об установлении порядка совместного рассмотрения с уголовным делом гражданских исков; соответствующие изменения внесены в УПК. Хотя вопрос об организации особого кадра судебных экспертов-бухгалтеров и хозяйственников, за желательность которого высказалось 12 мая 1927 года объединенное совещание при Управлении Прокуратуры Республики, в силу скудости материальных средств не получил (и, видимо, и в ближайшее время не получит) положительного разрешения,—и тем не менее, надо полагать, разработанный на основании постановления Коллегии НКЮ проект мероприятий об упрощении бухгалтерской и хозяйственной экспертизы поможет сдвинуть вопрос с той мертвой точки, в которой он находился в 1926 г.²⁾

После этих общих замечаний перехожу к тем выводам, которые позволяют сделать анализ материалов литературной и статистической отчетности прокуратуры за 1 п. 1927 г. по борьбе с растратой.

II.

Изменение в 1927 г. форм статистической отчетности по растратам, действовавших в 1925 и 1926 г.г., не дает возможности исчерпывающего сопоставления движения дел о растратах в 1 п. 1927 г. с данными предыдущих полугодий. Такое сопоставление может быть дано по части губерний на основании тех литературных отчетов, которые содержат соответствующие сведения. Сопоставление чисел возникших дел дает довольно пеструю картину. С одной стороны, мы имеем ряд мест, где количество возникших дознаний пошло на снижение, как, например³⁾:

Губернии	1 п. 1926 г.	2 п. 1926 г.	1 п. 1927 г.
Астраханская	599	490	469
Архангельская	288	238	168
Урал	3619	3374	2741
			(без Пермского ок.)
Новгородская	1158	1075	984
Ленинградская	1516	1325	1172
Пензенская	1310	1121	927
Ярославская	—	532	379
Ульяновская	818	686	424
Тулская	736	576	496
Московская	—	2739	2458

Наоборот, в некоторых других губерниях цифры показывают рост числа возникших дел о растратах.

Костромская (в деревне)	261	321	406
Владимирская	417	417	541
Брянская	—	302	446
Тамбовская	—	490	705
Самарская	924	—	1060
Рязанская	—	679	788
С.-Кавказ	—	2662	2726
Вотская обл.	—	379	694
ДВК	—	531	594
Сталинградская	—	445	595
Оренбургская	377	295	376

¹⁾ См. по данному вопросу ст. С. Березовской в «Е.С.Ю.» № 12—1927 г.

²⁾ См. ст. тов. Славина в «Е.С.Ю.» № 36—1927 г.

³⁾ Цифра взята из литературных отчетов и за 1-е полугодие 1927 г. не вполне совпадает с данными статистичности.

О сравнительном удельном весе растрат в общей массе должностных преступлений имеем в отчетах следующие указания. По Курской губ. процент растрат по отношению к общему числу должностных преступлений повысился с 81 до 83, в Ленинградской он снизился с 56 до 50, в Московской с 65,5% до 63,3%.

Надо заметить, что цифры, приведенные в таблицах, в действительности не дают полного представления о фактическом движении растрат. Во-первых, потому, что (за исключением данных по Ульяновской губ.) цифры относятся лишь к дознаниям, в то время как часть дел о растратах возникает непосредственно в производстве следователей. Во-вторых, потому, что далеко не всякое дело, заведенное по признакам растраты, означает, что растрата имела место в действительности; известно, что значительный процент заведенных о растрате дел впоследствии идет на прекращение в силу того, что при дальнейшей проверке (на следствии или в суде) не оказывается палицо признаков растраты. Таким образом, приведенные таблицы дают лишь приблизительное представление о движении растраты. Вывод, который может быть сделан на основании этих данных, тот, что, наряду с намечающимся снижением волны растрат в одних местах, продолжается рост числа их в других, что, следовательно, добиться повсеместного снижения их пока не удалось; добиться этого — еще составляет одну из серьезных задач.

Всего по имеющимся разработанным статистическим данным 36 губ., за 1 п. 1927 г. возникло в органах следствия и дознания 18.857 дел о растратах (вместе с 1.035 делами, переданными в порядке дополнения расследования, всего поступило 19.892 дела), на сумму 7.414.020 руб. В 1 п. 1926 г. поступило 40.354 дела на сумму свыше 17 миллионов руб. Достижения, несомненно, имеются, но они не столь велики, как это может показаться при сопоставлении приведенных цифр, так как цифры за 1 п. 1926 г. относятся ко всем местным прокуратурам РСФСР, а за 1 п. 1927 г. только к 36 г.

В отношении движения размеров причиняемого растратами ущерба, содержащиеся в некоторых отдельных отчетах данные неизменно говорят об уменьшении указанных размеров.

Губернии	Сумма растрат	
	2 п. 1926 г.	1 п. 1927 г.
Астраханская	234751	199766
Архангельская	88000	39000
Урал	1229051	791779 (без Пермского окр.)
Цепенская	337473	231225
С. Кавказ	1553706	899070
Оренбургская	171000	147000
Ульяновская	296898	131086
Тульская	215208	211713
Московская	2648514	2421638

Здесь мы имеем определенный вывод о том, что, как ни чувствительно растраты продолжают бить по народному хозяйству, но все же относительные цифры показывают несомненные достижения в борьбе с этим злом.

К тому же выводу можно прийти и путем сопоставления среднего размера растраты, составляющего за 2 п. 1925 г. 911 руб., за 1926 г. — около 500 руб., а в рассматриваемом нами 1 п. 1927 г. — 372 руб. За 1 п. 1927 г. имеется только 1% растрат на сумму свыше 5.000 руб., относительно большой процент (28,9%) составляют растраты на сумму от 50 до 200 руб., затем (25%) на сумму от 200 до 1.000 руб., 20,8% — на сумму до 50 руб. и 8% на сумму от 1.000 до 5.000 руб.

III.

Как распределяются растраты между городом и деревней, государственными, общественными и профсоюзными организациями? Каковы специфические особенности городских и деревенских растрат? Сопоставление соответствующих статистических данных показывает, что 1) подавляющее большинство возникших впервые на протяжении рассматриваемого полугодия дел о растратах приходится на деревню: из 18.857 дел на город приходится всего лишь 5.611 (29,8%), а на деревню 13.246 (70,2%). 2) Тем не менее общая сумма растрат почти поровну распределяется между городом и деревней, составляя для городских растрат 3.687.687 руб., а для деревенских 3.726.332 руб.; иначе говоря, средний размер растраты в городе значительно выше, чем в деревне; в городе в среднем на растрату приходится 657 руб., в деревне — 281 руб. В то время как в городе относительно больший процент всех растрат приходится на растраты от 200 до 1.000 руб. (30,1%), в деревне эта группа растрат занимает по своему удельному весу третье место (22,8%, на первом месте стоят растраты от 50 до 200 р. (30,3%), на втором — до 50 рублей (23,9%). 3) Значительные особенности город и деревня дают и в смысле распределения растрат по госоргнам, кооперации, профсоюзам и др. общественным организациям. В городе подавляющее (абсолютно и относительно) число растрат приходится на госорганы. Из 5.611 растрат 2.896 (51,6%); второе место занимает кооперация — 1.341 (23,9%), затем различные общественные организации — 962 (17,2%), наконец, профсоюзы — 412 (7,3%). В деревне же по растратам первое место занимает кооперация (из 13.246 дел 5.384, или 40,6%), второе госорганы (4.946 дел, или 37,3%), затем различные общественные организации (2.352 или 17,8%) и, наконец, профсоюзы (564 или 4,3%).

Если же взять распределение растрат без подразделения городских и деревенских, то 41,6% их падает на госорганы, 35,6% — на кооперацию, 17,6% — на различные общественные организации, и 5,2% — на профсоюзы.

Из всего этого, очевидно, вытекают следующие практические выводы для дальнейшей борьбы с растратами:

1) Необходимо одинаково напряженно вести борьбу с растратами, как в городе, так и в деревне, имея в виду, что сумма ущерба от городских и деревенских растрат почти одинакова.

2) Центр тяжести предупредительных и последующих мероприятий в борьбе с растратами в городе должен быть передвинут на госорганы, в деревне — на кооперацию.

3) Тот факт, что почти две третьих дел о растратах возникает в деревне, подчеркивает огромный не только материальный, но и политический (в смысле подрыва авторитета соответствующих органов в глазах широких масс) вред деревенских растрат, с одной стороны, и слабость контроля, учета в низовой кооперации — с другой. Отсюда необходимость всемерной инициативы и упорного систематического содействия в деле укрепления аппарата низовой кооперации, чистки ее от негодных элементов, постановки правильного учета и контроля, улучшения работы ревизионных и контрольных органов.

IV.

Какое направление получили находившиеся в производстве органов дознания и следствия за 1 п. 1927 г. дела о растратах, видно из следующих данных.

Оставлено к 1/1—27 г.	Поступило дел в производ.	Всего произвед.	Из оконч. направл. в губсуды.	В нар. суды.	Всего направлено в суды.	Оставлось не оконч. дел.
5046	18857	21068	3009	12682	15691	3870

Таким образом, остаток неоконченных дел уменьшился на 1.176 дел, или на 23,3%. Это служит одним из показателей некоторого ускорения расследования по делам о растратах за 1 п. 1927 г. Тем не менее отчетные и ревизионные материалы показывают, что говорить о полном устранении медленности расследования по делам о растратах не приходится.

На-ряду с объективными причинами медленности, действуют и такие причины, как неплаповость расследования, расширение рамок экспертизы, назначение экспертизы для выяснения несущественных деталей, а иногда просто халатность и недооценка общественного значения дел о растратах. Надо заметить, что если в 1926 г. наблюдался уклон к чрезмерному расширению понятия растраты, к смешению растраты с простою недостатчей (что вызвало соответствующие директивные указания НКЮ и Верховсуда), то в настоящее время наблюдаются кое-где перегибания палки в другую сторону—в сторону квалификации в качестве простой недостачи тех случаев, когда совокупность всех доказательственных улик говорит за наличие растраты. Выяснение причинной связи между недостатчей и присвоением, разумеется, необходимо. Но здесь допускаются иногда ошибки в том отношении, что эту причину стремятся выявить путем того или иного вида доказательств (экспертизы, свидетельских показаний), вместо того, чтобы выявить ее на основании именно совокупности имеющихся доказательственных улик. Ошибка эта, несомненно, влияет и на высоту прекращаемости дел о растратах и на затяжку расследования. Довольно мудрено, например, путем свидетельских показаний установить корыстный мотив, факт присвоения (ведь это при свидетелях обычно не делается). Между тем, целый ряд свидетелей вызывается и допрашивается именно для этой цели. Или, скажем, необходимо выявить по возможности более точный размер растраты, от этого зависит квалификация растрат по 1 или 2 ч.ч. 116 ст. УК; но это не значит, что надо прибегнуть к сложной экспертизе для того, чтобы выявить сумму растрат с точностью до одного рубля. Между тем мы имеем ряд таких экспертиз, в результате которых имевшиеся по делу данные о сумме растрат в несколько тысяч рублей уточнялись на рубли и копейки!

Рамки настоящего очерка не позволяют остановиться подробно на других недостатках расследования по делам о растратах, тем более, что недостатки эти в своем большинстве суть общие недостатки расследования по уголовным делам, уже неоднократно освещавшиеся на страницах печати.

Считаю необходимым лишь отметить следующий момент. По делам о растратах перед органами расследования, прокуратуры и суда проходят ряд организационных недочетов различных органов, которые благоприятствуют растратам. Учет этих организационных недочетов, доведение о них до сведения соответствующих органов, хотя имеет место, но еще далеко не в той степени, как это желательно и необходимо. В этом отношении интересно определение УКК Верховсуда по делу (№ 2607) по обвинению председателя Шадринского окружного отделения союза работников в растрате около пяти тысяч рублей профсоюзных денег, в котором Верховсуд обратил внимание на следующее:

«В настоящем деле обращают на себя внимание порядки, существовавшие в правлении союза, при которых один человек по чеку может распоряжаться тысячами рублей союзных денег. Нужно суду поднять вопрос перед соответствующими учрежде-

ниями об организационном изменении этих порядков, поскольку они являются почвою для растрат».

Совершенно очевидно, что мимо таких фактов не может проходить и предварительное расследование. Иначе трудно себе представить, каким образом их будет выявлять суд. Это во-первых. А, во-вторых, прохождение мимо подобного рода крупнейших организационных и иных недочетов, на почве которых совершаются растраты или хищения, означало бы недопустимо формальное, чиновничье отношение к делу.

Но, с другой стороны, нельзя чрезмерно и расширять рамки расследования. Нельзя расследование превращать в детальную ревизию. Обстановка совершения растрат должна выявляться, но должна выявляться без чрезмерного расширения и осложнения рамок следствия, без отвлечения в сторону от основной задачи по раскрытию преступления, в тесной и неразрывной связи с этой основной задачей расследования и в той мере, как это возможно и необходимо без ущерба для нее.

Приведенные выше цифры направления дел о растратах, показывают, что 25,5% заочненных производством дел не получили направления ни в губернский, ни в народный суд. Это, очевидно, дознания, прекращенные следователями. Если сюда добавить ту часть дел, которые были направлены на прекращение в суд (к сожалению, статистическая таблица не дает возможности точно указать процент и должна быть в дальнейшем уточнена), то получили значительную часть работы расследования «в холостую», отчасти вследствие указанных выше причин.

Там, где расследование производилось удовлетворительно, оно часто, на-ряду с растратами, выявляло ряд фактов самой вопиющей бесхозяйственности.

V.

Несколько цифр, характеризующих уголовно-судебную политику по делам о растратах за 1 п. 1927 г. Правда, эти цифры по существующим статистическим схемам относятся не только к растратам, но и к подлогам. Но принимая во внимание, что число дел о подлогах весьма незначительно и что при этом большая часть подлогов соединена с растратами, можно считать приводимые ниже цифры характерными для растрат.

Если взять общее число осужденных за последние 3 полугодия, то имеем снижение этих чисел по губсудам (3.495 в 1 п. 1926 г., 3.470 во 2 п. 1926 г. и 1.594 в 1 п. 1927 г.) и намечающийся рост их в 1 п. 1927 г. по нарсудам (8.531 в 1 п. 1926 г., 6.993 во 2 п. 1926 г. и 7.502 в 1 п. 1927 г.). Это вполне соответствует сказанному выше о снижении среднего размера, измельчания растрат.

Усиление уголовной репрессии за крупные растраты нашло себе отражение прежде всего в последовательном уменьшении процента условного осуждения по губсудам, составлявшего в 1 п. 1926 г.—23%, 2 п. 1926 г.—22,1% и в 1 п. 1927 г.—16,8%.

В нарсудах снижение процента уголовного осуждения менее последовательное и менее заметное (24,5%, 24,6% и 23,5%). Отсюда само собою напрашивается вывод о необходимости дальнейшего снижения процента условного осуждения по делам нарсудовской подсудности.

Обращает на себя далее внимание возрастающее относительное преобладание в приговорах губсудов краткосрочного лишения свободы (до 1 года), составлявшее

в 1 п. 1926 г.—35,2%, 2 п. 1926 г.—37,3% и в 1 п. 1927 г.—38,5%. Еще более резко это заметно в приговорах нарсуда, где имеем процент осуждения до одного года лишения свободы в 1 п. 1926 г.—52,6%, во 2 п. 1926 г.—52,9%, в 1 п. 1927 г.—58,9%, при чем если взять осужденные до 6 месяцев, то имеем такое резкое повышение процента, как с 22,6% в 1 п. 1926 г. до 27,2% во 2 п. 1926 г. и до 43% (!) в 1 п. 1927 г.

Принимая во внимание справедливые замечания, которые раздаются по адресу целесообразности краткосрочного лишения свободы, как меры социальной защиты, приходится серьезно призадуматься над значением приведенных только-что цифр и признать необходимым в дальнейшем решительное сокращение процента краткосрочного осуждения отчасти за счет альтернатив, к лишению свободы, отчасти за счет более продолжительных сроков заключения.

Следующую по относительному весу группу приговоров составляют приговоры к лишению свободы на срок от 1 до 2 лет, процент которых по губсудам составлял 19,6% (1 п. 1926 г.), 19,1% (2 п. 1926 г.) и 20,1% (1 п. 1927 г.), а по нарсудам 14,4%, 14,5%, 9,7%.

Вполне соответствуют различию социальной опасности растрат губсудовской и нарсудовской подсудности различие процента осужденных на срок от 2 до 5 лет, более высокого для губсудов (15,1%, 13,2% и 14,1%), менее высокого для нарсудов (4,1%, 3,3% и 2,4%). Процент осужденных губсудами на срок от 5 до 10 лет невысок (2,8%, 2% и 3,6%), а процент осужденных на принудительные работы выражается в десятых долях.

Что касается социального положения осужденных за растраты, то, естественно, и абсолютно и относительно подавляющее число их приходится на служащих, процент которых по губсуду составляет 83,6% (1 п. 1926 г.), 86,4% (2 п. 1926 г.) и 86,7% (1 п. 1927 г.), а по нарсуду соответственно—70,3%, 70,1% и 72,9%. Следующую группу составляют крестьяне (11,2%, 8,3% и 7,1% по губсуду; 19,3%, 18,1% и 15,9%—по нарсуду), относительный вес

которой, однако, постепенно уменьшается, затем рабочие (2,9%, 3,2% и 2,7% по губсуду и 6,5%, 7% и 6,6% по нарсуду). Таковы основные данные и практические выводы по борьбе с растратами за 1 п. 1927 г. Сказанное необходимо дополнить указанием на то, что вопрос о борьбе с растратами в 1 п. 1927 г., судя по отчетам, в ряде мест сравнительно реже ставился на совещаниях по борьбе с преступностью.

Это, разумеется, нельзя считать соответствующим указанным выше директивам СНК. Там же, где вопрос о растратах ставился на совещании по борьбе с преступностью, он по большей части подвергся достаточной конкретной и обстоятельной разработке.

В частности, совещание прокуратуры ДВК от 7/VI 1927 г. в качестве недочетов борьбы с растратами отметило: а) не совсем твердую выдержанность в направлении карательной политики, выразившуюся в излишнем допущении условных осуждений, снижении мер социальной защиты, условно-досрочных освобождений и несвоевременности в исполнении судебных приговоров;

б) несвоевременное принятие мер (начиная со стадии расследования) к обеспечению исков государственных и общественных органов за причиненные убытки;

в) медленность в продвижении дел как в процессе расследования, так и при разрешении их в суде;

г) сравнительные слабые качества работы следственных органов (неполнота дознания и следствия, недостаточная объективность);

д) отсутствие достаточной увязки с обследовательскими органами и ревизионными комиссиями;

е) неналаженность в полной мере бухгалтерско-хозяйственной экспертизы на предварительном следствии.

Легко видеть, что недочеты носят не специфически «дальневосточный», а более общий характер, и устранение их составляет задачу, общую большинству прокуратур на местах.

Н. Лаговнер.

Советское законодательство

(обзор за время с 12 по 21 марта 1928 г.)

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Труд.

1. Пост. СНК СССР от 2 марта о дополнении пост. СНК СССР от 17 января 1928 г. о подготовке введения семичасового рабочего дня («Изв. ЦИК» от 15 марта, № 63), правительство союзных республик организует комиссии при наркоматах труда для предварительной проработки вопросов, связанных с проведением семичасового рабочего дня в промышленности республиканского и местного значения. Однако, все намечаемые этими комиссиями мероприятия проводятся исключительно в порядке, установленном постановлением от 17 января («С. З.» 1928 г. № 8, ст. 72). Все вопросы, связанные с проведением семичасового рабочего дня рассматриваются в законодательных органах лишь по докладу, либо с заключением комиссии при СНК СССР.

2. Пост. ЦИК и СНК СССР от 14 марта об изменении и дополнении пост. ЦИК и СНК СССР от 26 октября 1927 г. о социальном страховании лиц, занятых по найму в крестьянских хозяйствах («Изв. ЦИК» от 15 марта, № 63). Отменена уплата социального страхования за наемных рабочих в колхозах, а также за пастухов, напасаемых земельными обществами, их частями и группами крестьян. Вместе с тем, за лиц, занятых в подсобных технических предприятиях, принадлежащих к хозяйствам промышленного типа, совхозам и др., и за технический персонал этих хозяйств размер страховых взносов определен в 10%. В связи с этими основными изменениями

закона 26 октября («С. З.» № 60, ст. 605) внесены изменения редакционного характера и в другие статьи закона.

Оборона СССР.

3. Пост. ЦИК и СНК СССР от 3 марта об изменении ст. 8 положения о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной армии («Изв. ЦИК» от 15 марта, № 63). Персональные пенсии лицам, обеспечиваемым в порядке положения и имеющим исключительные заслуги перед СССР, а также их семьям, назначаются совместными постановлениями Наркомвоенмор и НКФ СССР (см. «С. З.» 1926 г. № 20, ст. 131).

Финансы.

4. Пост. ЦИК и СНК СССР от 14 марта об изменении пост. ЦИК и СНК СССР от 23 октября 1925 г. о порядке взысканий за нарушение постановлений об акцизах и особом патентном сборе за право торговли спиртными напитками и табачными изделиями («Изв. ЦИК» от 21 марта, № 68). Нарушение акцизных правил, учиненное в первый раз, если сумма неуплаченного акциза не превышает 500 рублей, а также всякое нарушение, не сопряженное с прямым убытком для казны, независимо от того, в который раз оно совершено, преследуется в административном порядке; за эти нарушения налагается штраф на сумму до 500 рублей с конфискации предметов и продуктов, неоплаченных акцизом или оплаченных в ненадлежащем размере, а также сырья и орудий производства, служащих для тайной выделки подакцизных предметов. Децентрализовано право наложения взысканий; оно может быть предоставлено также уездным и ответ-

ствующим фискальным органам (см. «С. З.» 1926 г. № 56, ст. 409; 1927 г. № 40, ст. 397 и 1928 г. № 2, ст. 9).

5. Пост. ЦИК и СНК СССР от 14 марта об отмене акциза с меда крепостью до 14° («Изд. ЦИК» от 21 марта, № 68). Отменяя акциз с меда слабой крепости, закон воспрещает выделку меда крепостью свыше 14° (см. «С. З.» 1926 г., № 65, ст. 494).

Хозяйственное законодательство.

6. Пост. ЦИК и СНК СССР от 10 марта об изменении пост. ЦИК и СНК СССР от 27 августа 1926 г. о государственной монополии на опий («Изд. ЦИК» от 21 марта, № 68). Общее руководство осуществлением монополии возложено на Наркомторг СССР (см. «С. З.» 1926 г. № 58, ст. 424).

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Т р у д.

1. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 5 марта об изменении ст. 82 Кодекса Законов о Труде РСФСР («Изд. ЦИК» от 21 марта, № 68) издано в целях согласования с пост. ЦИК и СНК СССР от 9 ноября 1927 г. о компенсации при переводах и при найме на работу в другие местности («С. З.» 1927 г. № 65, ст. 660). Последний закон введен в качестве приложения к КЗоТ. Согласно измененной редакции ст. 82 в случае перевода рабочего или служащего по распоряжению нанимателя с одного места работы на другое, если перевод связан с переменой местожительства, за перемещаемым сохраняется фактический заработок, выплачиваются суточные из расчета $\frac{1}{30}$ месячного заработка за время пребывания в пути и дополнительно за 6 дней, а также возмещаются расходы по переезду. Кроме того выплачивается единовременное пособие как на самого работника, так и на членов его семьи.

2. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР о трудовых артелях от 30 января («Изд. ЦИК» от 14 марта, № 62) издано в отмену пост. от 15 декабря 1924 г. по тому же предмету («С. У. 25 г. № 1, ст. 9). Трудовые артели определяются, как объединения граждан, ставящих себе целью организацию совместного выполнения работ личным трудом своих членов в чужом предприятии или хозяйстве. Для членства необходимо достижение 16-летнего возраста и неприменение наемного труда в целях извлечения прибыли. Образовывать артели могут группы лиц в количестве не менее семи, достигших 18 лет, не лишенных избирательных прав. Артели организуются для выполнения производственно-однородных или производственно-связанных между собой работ. Личный труд членов артелей обязателен. Приглашение посторонних лиц может происходить только для таких подсобных работ, которые не могут быть исполняемы самими членами (канцелярская работа, разработка технических вопросов). Общее число наемной рабочей силы не может превышать 10% всего состава артели. Для учреждения трудовой артели необходима регистрация ее устава по месту возникновения в регистрационной комиссии или соответствующем органе местного хозяйства, в состав которых для этой цели включаются представители отделов труда или инспектуры труда. В случае разногласий между органами труда или их представителями с остальными членами комиссии устав не регистрируется и вопрос о регистрации представляется на рассмотрение президиума исполкома, решение которого является окончательным. Трудовые артели имеют право выполнять работы и подрядным способом с тем ограничением, что цена материала, необходимого для выполнения работы, не должна превышать 10.000 рублей. В случае привлечения артели к работам в порядке трудового договора, отношения между нанимателем и артелью регулируются этим договором. Возможно заключение общего договора на все время выполнения работы с ее оплатой в целом. Применение правил трудового договора обязательно во всяком случае, если работы производятся из материалов нанимателя, не менее, чем на 50% и если при этом не применяется принадлежащее артели сложное оборудование. Расчет производится нанимателем с органом управления артели. Соглашением сторон устанавливаются размер, форма платежей и срок их выплаты, а также другие условия трудового договора. При взыскании сумм, причитающихся артели с нанимателя, претензии артели приравниваются к заработной плате. Большая часть норм Кодекса Законов о Труде применяется и в случаях производства работ трудовыми артелями. В случае привлечения артели к работе в порядке подряда, правление артели соблюдает ряд требований Кодекса Законов о Труде: по технике безопасности, промышленной санитарии и гигиене, по охране труда женщин и несовершеннолетних, по уплате страховых взносов на врачебную помощь и страхование от несчастных случаев. Надзор за деятельностью артели осуществляется органами труда и народ-

ного хозяйства. Применение трудовыми артелями наемного труда в скрытой форме влечет за собою обязанность выполнять в отношении соответствующих лиц всех требований трудового законодательства. Кроме того, члены правления и уполномоченные артели отвечают за такие действия в уголовном порядке. Основаниями для ликвидации артелей признаются: несостоятельность, установленная судебным порядком, постановление губисполкома или судебного учреждения и иные обстоятельства, устанавливаемые отдельными уставами.

3. Пост. СНК РСФСР от 5 января по докладу Наркомтруда РСФСР о безработице, организации рынка труда и помощи безработным («С. У.» № 6, ст. 57). Констатируя проведение нового порядка регистрации безработных, охват биржами труда значительной части спроса на рабочую силу, более полное изучение состояния отхожего рынка, укрепление планового начала в области найма, развертывание корреспондентской сети и т. п., усиление работы по переброске в провинцию работников умственного труда и по переобучению малоквалифицированных работников этой группы, значительное расширение коллективов безработных и объектов общественных работ, постановление содержит ряд директив Наркомтруду РСФСР. Новый порядок учета предложений труда должен быть уточнен, должны быть приняты решительные меры к разгрузке бирж труда от материально обеспеченных лиц, усилен учет лиц, посылаемых на временную работу, достижения в области охвата биржами труда значительной части спроса должны быть укреплены. Практика специальных приглашений органов НКТ с хозяйственными органами о снабжении рабочей силой должна быть продолжена и углублена. Хозорганы обязаны соблюдать все соответствующие узаконения. НКТ получил право надзора за выполнением директивы об обеспечении временными жилищами рабочих, занятых на сезонных работах. Наркоматы Труда, Здравоохранения и Просвещения усиливают мероприятия по снабжению провинции медицинским, педагогическим и техническим персоналом. Для оказания трудовой помощи безработным должны быть мобилированы местные средства, а также усилена доля участия средств социального страхования в организации помощи безработным. Расширяются общественные работы, мероприятия по переобучению безработных. Вопросы текучести рабочего состава и результаты применения временных работ в наиболее крупных предприятиях подлежат длительному изучению.

Хозяйственное законодательство.

4. Пост. СНК РСФСР от 28 декабря о государственных аптечных учреждениях, занимающихся производством и торговлей медикаментами и медицинским имуществом и действующих на началах хозяйственного расчета («С. У.» № 5, ст. 48), издано в отмену пост. СНК РСФСР от 19 января 1927 г. о порядке организации и утверждения уставов госпредприятий, производящих торговлю медицинским имуществом и аптечными товарами («С. У.» № 13, ст. 96). При организации предприятий указанного характера применяется положение о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 г. («С. З.» № 39, ст. 392). Лишь для предприятий, уставный капитал которых составляет менее 100.000 рублей, форма организации определяется предстоящим к изданию законом о низовой промышленности. Все предприятия указанного рода могут быть предприятиями республиканского, краевого, губернского и окружного значения. Функции ВСНХ применяются в отношении рассматриваемых предприятий Наркомздравом РСФСР и автономных республик и их местными отделами. Прибыль аптекоуправлений распределяется следующим образом: 10% в фонд улучшения быта рабочих и служащих, 20% в резервный капитал, а остальная часть в специальные средства на улучшение и расширение лекарственной помощи в сельских местностях в порядке, установленном СНК РСФСР 11 сентября 1925 г. («С. У.» № 69, ст. 545).

5. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 февраля о предоставлении альбуминных предприятий местными советами в аренду Госторгу РСФСР («Изд. ЦИК» от 16 марта, № 64) обязывает коммунальные отделы и коммунальные тресты предоставлять все указанные предприятия в аренду Госторгу, а также заключать договоры застройки на возведение строений для оборудования предприятий. Издание постановления мотивировано необходимостью развития альбуминного производства, восстановления экспорта альбуминов и сухой крови, как статей экспорта и предупреждения антисанитарного состояния боев и убойных пунктов.

6. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 февраля об изменении и дополнении ст.ст. 15, 16 и 17 Положения о венеселях («Изд. ЦИК» от 16 марта, № 64). Венеселедержатель по венеселю, оплаченному после направления к протесту, имеет право требовать

возмещения издержек по оплате нотариальных, местных и других сборов. Дано новое определение переводного векселя (тратты), как письменного предложения векселедателя (трассанта) плательщику (трассату) уплатить денежную сумму векселедержателю, соединенного с обязанностью трассанта в случае отказа трассата исполнить предложение самому произвести платеж указанной суммы векселедержателю. Векселедатель может назначить самого себя первым приобретателем векселя, он же может назначить самого себя и плательщиком (по переводному векселю).

Финансы.

7. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 2 января о введении в 1927—28 г. прописочного сбора в городских поселениях Дальне-Восточного края («С. У.» № 6, ст. 50).

8. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 2 января о введении на территории Северо-Кавказского края налога с афиш, плакатов, реклам и объявлений («С. У.» № 6, ст. 51).

Нотариат.

9. Пост. СНК РСФСР от 13 декабря об освобождении акц. общества «Сельхозснабжение» от нотариальных сборов за нотариальное удостоверение всех его сделок по покупке и продаже предметов оборудования и снабжения сельского хозяйства и освобождении этих сделок от регистрации, установленной для внебиржевых сделок («С. У.» № 6, ст. 56).

Сельское хозяйство.

10. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля утверждено положение о государственных сельско-хозяйственных трестах («Изв. ЦИК» от 18 марта, № 66), издано на основании пост. ЦИК и СНК СССР от 16 марта и 8 августа 1927 г. («С. З.» № 15, ст. 162, и № 47, ст. 474) и в отмену постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1925 г. и от 5 апреля 1926 г. о сельско-хозяйственных трестах («С. У.» 1925 г. № 21, ст. 150 и 1926 г., № 21, ст. 165). В трехмесячный срок со дня опубликования положения уставы сельхозтрестов должны быть с ним согласованы. Госсельтрест определяется, как объединение советских хозяйств общегосударственного значения, организованное на основе особого устава в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица и неделимым на пай капиталом, состоящее в ведении Наркомзема РСФСР или автономной республики и действующее на началах хозяйственного расчета в соответствии со ст. 160 Земельного Кодекса и с плановыми заданиями, утвержденными соответствующим Наркомземом. Госсельтрестам предоставляется самостоятельность в оперативной деятельности, а со дня регистрации ему предоставляются права юридического лица. По общему началу законодательства о трестах установлена ответственность Госсельтреста по обязательствам лишь тем имуществом, на которое может быть обращено взыскание. Госказна и госсельтрест взаимно не отвечают за долги одного другого. Не может быть произведено безвозмездное изъятие принадлежащих госсельтресту совхозов, предприятий или иного имущества, если оставшееся имущество не является достаточным для покрытия его долгов. Однако, в случае необходимости такое изъятие может быть произведено при обязательном условии установления порядка и способа покрытия задолженности, возникшей до момента изъятия имущества. Госсельтресты организуются Наркоматом Земледелия, разрешения на их учреждение даются ЭКОСО РСФСР, устав утверждается Наркомземом, согласующим вопросы о капиталах треста с Наркомфинансом. По утверждении устава назначается директор Госсельтреста, которому передается все имущество по особому акту. После проверки инвентарной описи и оценки имущества директором составляется вступительный баланс и возбуждается ходатайство о регистрации, после которой устав публикуется в Собрании Узаконений.

Находящиеся в ведении Госсельтреста и входящих в его состав совхозов, строений, оборудование, сооружение, живой и мертвый инвентарь не могут быть отчуждены в собственность частных физических и юридических лиц и общественных и кооперативных организаций, не могут быть предметом залога, а также не могут быть обращаемы на удовлетворение кредиторов в порядке взыскания. Исключение из приведенного правила допускается лишь в случае негодности, являющейся последствием материальной изношенности или порчи имущества, а также устарелости конструкции, изношенности, вследствие превышения потребности хозяйства и необходимости замены имущества. Имущество, приобретаемое Госсельтрестом на полученную им ссуду из кредитных учреждений, может быть заложено в последние в обеспечение исправного платежа по выданной ссуде, а также может быть обращено

на удовлетворение взысканий по претензиям указанных залогодержателей.

В области управления госсельтрестами к компетенции Наркомзема отнесен ряд предметов, в том числе: утверждение промфинплана и плана строительства, разрешение на отчуждение и залог сооружений, строений и оборудования, утративших свое производственное значение, а также племенного скота и племенного конского состава, разрешение на сдачу и взято в аренду отдельных совхозов и промышленных предприятий, назначение и увольнение директора и т. д. Перечисленные права осуществляются Наркомземами либо непосредственно, либо через местные земельные органы. Указания другими органами власти могут даваться лишь через Наркомзем, равно как и требование сведений и отчетов от Госсельтрестов. Директор Госсельтреста самостоятельно ведет всю оперативную и административную работу, управляя его делами и имуществом, заключаая коллективные договоры, совершая сделки и операции.

Входящие в состав Госсельтрестов советские хозяйства со всеми промышленными и подсобными предприятиями управляются непосредственно особыми лицами—управляющими, назначаемыми и увольняемыми директором треста. Взаимоотношения между директором треста и управляющим совхоза определяются положением об управлении трестированными совхозами.

Что касается производственной и торговой деятельности Госсельтреста, то положение разрешает производство семенного, посадочного и племенного материала и иных агрикультурных ценностей и всякого рода сельско-хозяйственной продукции, а также переработку продукции сельского хозяйства, производимую в совхозах и приобретаемую со стороны. Для осуществления целей, поставленных пред Госсельтрестом, он имеет право совершать все торговые операции. Обязательные отпускные цены устанавливаются Наркомземом с соблюдением действующих законов. Товары же, цены на которые не нормированы, отпускаются и приобретаются по ценам, устанавливаемым соглашением сторон. Закон допускает занаряживание в пользу госорганов продукции госсельтрестов, по ценам не ниже себестоимости с начислением средней прибыли. Занаряживание производится Наркомземом по соглашению с Наркоматом Финансов и ведомством, в пользу органа которого оно производится. При недостижении соглашения занаряживание производится по постановлению ЭКОСО РСФСР. Если занаряживание производится в пользу госоргана, состоящего на общегосударственном и местном бюджете, то необходимым является наличие в смете соответствующих ассигнований, обеспечивающих своевременный расчет за занаряженную продукцию. Соответствующая часть кредита бронируется распорядителем и не может быть обращена на другие надобности. Если госорган своих денежных обязательств не выполнит, ответственность пред Госсельтрестом несет государственная казна. Вообще, если не будет произведен какой-нибудь платеж в один из установленных по договору сроков, то госсельтрест, отпускающий свою продукцию в порядке занаряживания, имеет право отказаться от дальнейшей поставки и взыскать убытки, на общих основаниях. По общему началу госсельтресты при заключении сделок должны оказывать преимущество при прочих равных условиях государственным учреждениям и предприятиям и кооперативным организациям, выступающим в качестве контрагентов.

Кроме уставного капитала в госсельтресте образуются капиталы: амортизационный, резервный, расширения предприятия и фонд улучшения быта рабочих и служащих. Чистая прибыль распределяется следующим образом: по 10% в фонд улучшения быта рабочих и служащих и в резервный капитал, 30% в капитал расширения предприятия, не более ¼% в фонд для выдачи поощрительного вознаграждения, остальная часть прибыли обращается в доход местных бюджетов.

Закон нормирует порядок отчетности госсельтреста и ревизии его деятельности, а также порядок ликвидации, соединения и разделения госсельтрестов.

Земледелие.

11. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля об утверждении о сплошном обязательном государственном землеустройстве Авт. Башкирской ССР («Изв. ЦИК» от 17 марта, № 67). По почину земельных органов производится землеустройство, имеющее сплошной обязательный характер и распространяющийся на все земли в пределах Башп. Республики, в чем бы пользованием они ни находились. Очередность работ и ежегодный их объем устанавливается постановлениями Башп. ЦИК'а с тем, что районы с наиболее обостренными земельными отношениями землеустраиваются в первую очередь. За-

дачей землеустройства является: выявление свободных неиспользуемых земель для целесообразного использования, устранение спорности, запутанности, иррациональности землепользования, удовлетворение потребности в земельном обеспечении, безземельного и малоземельного, земледельческого и скотоводческого населения, приведение размеров землепользования в соответствии с наиболее рациональной по местным условиям формой хозяйства. Пришлое трудовое земледельческое население, поселившееся до опубликования положения, землеустраивается и наделается землей на одинаковых основаниях с коренным населением, самовольно же переселившиеся после указанного срока не имеют права на получение земли в трудовое пользование впредь до окончательного устройства коренного и приравненного к нему пришлое населения. Наделение землей безземельного и малоземельного населения производится или путем доприселения или путем переселения.

Административное управление.

12. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 февраля об изменении п. «ж» ст. 41 временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР («Изв. ВЦИК» от 16 марта, № 64) предоставляет органам управления выдачу гражданам удостоверений личности и других удостоверений, в частности, на приобретение, хранение и пользование огнестрельным нарезным охотничьим оружием и огнеприпасами.

В Совнарком РСФСР

Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об изменении ст.ст. 114, 136 и 139 Земельного Кодекса РСФСР.

Совнарком РСФСР принял проект изменения статей 114, 136 и 139 Зем. Кодекса РСФСР, согласно которому по требованию меньшинства членов общества, согласному на совместную обработку земли, общество обязано, независимо от согласия большинства, выделить участок земли к одному месту, согласно правил статьи 135 и с соблюдением взаимных удобств землепользования без обязательного выхода из состава земельного общества (статья 114).

В тех случаях, когда не происходит полных переделов или разверстаний земли в обществе, выход из общества с землей без его на то согласия допускается, если этого требует не менее одной пятой состоящих в обществе хозяйств (дворов) и не менее пятидесяти хозяйств в обществе, имеющих свыше двухсот пятидесяти хозяйств.

Сельско-хозяйственным колллективам (сельско-хозяйственным коммунам, сельско-хозяйственным артелям и товариществам по общественной обработке земли) и мелиоративным товариществам, образованным в порядке положения о сельско-хозяйственной кооперации, выдел земли производится без согласия общества, независимо от того, происходит или не происходит полный передел или разверстание земли в обществе.

Группам хозяйств (дворов) в количестве не менее пятнадцати, желающим образовать новый поселок, выдел земли производится без согласия общества при условии признания уездными, районными и соответствующими им земельными органами хозяйственной целесообразности выдела и отсутствия существенного ущерба для остающихся в обществе хозяйств (дворов).

На пустопорожные и естественно-обособленные участки допускаются без согласия общества выделы любого числа хозяйств (дворов) и во всякое время, если такими выделами не вызывается общий передел земли в обществе.

Губернским, областным и краевым исполкомам предоставляется право, по представлении соответствующих земельных управлений, в зависимости от местных условий, уменьшать указанное выше количество хозяйств (ст. 136).

После перехода земельного общества от одного способа землепользования к другому с производством выделов в порядке статей 134—138 Зем. Код. дальнейшие выделы, требующие досрочно общих переделов земли, допускаются лишь с согласия общества, за исключением выдела земли сельско-хозяйственным коллективам, образованным в порядке положения о сельско-хозяйственной кооперации (ст. 139).

Принятый Совнаркомом проект является одним из мероприятий по проведению в жизнь директивных указаний партии о всемерном поощрении коллективных хозяйств. Проект имеет также в виду согласовать постановления Зем. Код. РСФСР с постановлением СНК РСФСР от 9 октября

Просвещение.

13. Пост. СНК РСФСР от 15 января об изменении ст. 36 и дополнении положения о высших учебных заведениях, утвержденного СНК РСФСР 3 июля 1922 г. («С. У.» № 7, ст. 67). Члены правлений ВУЗ'ов назначаются на 2 года; Главпрофобру предоставляется право продлить полномочия правления на 1 год. Наблюдение и контроль за рациональным использованием денежных средств и материальных ресурсов ВУЗ'ов осуществляется ревизионными комиссиями, образуемыми в составе представителей от секций научных работников, местного, исполбюро профсекций, совета ВУЗ'а и Главпрофобра. Состав ревкомиссий утверждается Главпрофобром, члены комиссий вознаграждения не получают.

14. Пост. СНК РСФСР от 15 января об изменении и дополнении утвержденного СНК РСФСР 18 февраля 1924 г. положения о рабочих факультетах («С. У.» № 7, ст. 68) продолжительность обучения устанавливается в 4 года; учебный год делится на два семестра. Проводятся два уклона: технический и общественно-экономический. Ежегодная разверстка приема устанавливается Наркомпросом.

Лесное хозяйство.

15. Пост. ЭКОСО РСФСР от 22 декабря о разрешении рубки леса приисковым порядком для заготовки палубного леса («С. У.» № 7, ст. 69).

М. Браинский.

1925 года о мерах по улучшению землеустройства (С. У. 1925 г. № 7, ст. 572), который установил в качестве желательной формы землепользования при землеустройстве создание мелких поселков с одновременным переходом на широкополосицу и введением многопольных севооборотов. Так как мелкий поселок обычно состоит из 15—30 дворов, СНК признал необходимым допустить выдел земли без согласия общества группам хозяйств в количестве не менее пятнадцати, делающим возможность образовывать новый поселок, при условии признания уездными, районными и соответствующими им органами целесообразности такого выдела и отсутствия существенного ущерба для остающихся в обществе хозяйств. Кроме того, проект вносит большую ясность в вопрос о праве меньшинства земельного общества, переходящего к совместной обработке земли на получение от общества соответствующего земельного участка в одном месте.

Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об изменении статьи 193¹ Уг. Код. РСФСР.

СНК РСФСР принял проект изменения 2 части ст. 193¹ Уг. Код. РСФСР, согласно которой воинскими преступлениями признаются также направленные против установленного порядка несения службы преступления строевого состава особых вооруженных отрядов (резервов) Наркомпути и личного состава военизированной охраны предприятий и сооружений, имеющих особое государственное значение.

Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об изменении ст. 189 Код. Зак. о Труде РСФСР.

Совнарком РСФСР принял проект постановления об изменении ст. 189 Код. Зак. о Труде РСФСР, согласно которому в случае смерти или надлежащим образом свидетельствованного безвестного отсутствия лиц, работающих по найму, подлежат обеспечению в порядке социального страхования следующие члены их семей, не имеющие достаточных средств к существованию и находившиеся на иждивении застрахованных: а) несовершеннолетние дети, братья, сестры и усыновленные до достижения ими 16-ти лет; б) нетрудоспособные дети, братья, сестры и усыновленные, утратившие трудоспособность, до достижения ими 16-летнего возраста; в) нетрудоспособные родители, усыновители и супруг; г) те из перечисленных в пункте «в» членов семьи, которые хотя и трудоспособны, но имеют при себе детей, не достигших 8-летнего возраста.

Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об изменении примечания 2 к ст. 26 и дополнения ст. 99 УПК РСФСР.

Действующая редакция ст. 26 УПК, относя к подсудности губсуда дела о преступлениях, предусмотренных статьями 109, 1-й части 110, 111 и 113 УК, в примечании 2-м содержит изъятие из этого общего правила, согласно которому губсуд может в отдельных случаях, по специальному на каждый

раз определению, передавать в нарсуд наиболее мелкие из этих дел. Практика показала, что такой порядок не дает удовлетворительного разрешения вопроса о подсудности данной категории дел. В целях устранения могущих быть при этом порядке задержек в производстве Совнарком, по ходатайству НКЮ, нашел целесообразным предоставить пленуму губернских (окружных) судов право передачи в нарсуд целых категорий таких дел, по определяемым в постановлении пленума признакам. В соответствии с этим редакция примечания 2-го к статье 26 УПК РСФСР изменена в следующем виде: дела о преступлениях, предусмотренных статьями 109, 1 частью 110, 111 и 113 УК, не представляющие особой сложности или особого государственного или общественного значения, могут специально по каждому делу определением губернского (окружного) суда передаваться в народный суд.

Постановлением пленума губернского (окружного) суда в народный суд могут передаваться целые категории таких дел по определяемым в постановлении признакам, при чем в этих случаях вопрос о направлении отдельного дела в суд разрешается органом расследования по согласованию с наблюдающим прокурором.

В связи с изданием постановления о предоставлении сельсоветам права производства обысков и выемок Совнарком принял проект постановления о дополнении статьи 99 УПК РСФСР примечанием 2-м, согласно которому выемки и обыски в местностях, где нет милиции, могут производиться председателем и членами сельсовета и тех лишь, однако, случаях, когда совершивший преступление застигнут на месте совершения или непосредственно после совершения одного из следующих преступлений: кражи, грабежа, скотокрадства, убийства, нанесения телесных повреждений, поджога и изготовления, хранения и сбыта самогона и специальных аппаратов для его изготовления.

Составляемый при этом протокол с описью имущества и описью его направляется в течение 24 часов подлежащему органу дознания и в тот же срок о произведенном обыске или выемке доводится до сведения участкового народного следователя.

Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об изменении и дополнении положения об издании местными исполкомами и горсоветами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке.

Совнарком РСФСР принял проект изменения и дополнения положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке.

Статья 15 положения изменена в том смысле, что обязательные постановления, издаваемые окружными и уездными исполкомами, их президиумами, горсоветами и их президиумами, должны быть в двухнедельный срок со дня их подписания препровождены в вышестоящий исполком и соответствующему прокурору. В случае, если прокурор

признает поступившее к нему обязательное постановление незаконным, на него возлагается обязанность сообщить соответствующему исполкому или горсовету свой протест не позднее чем в двухнедельный срок с момента получения постановления.

Обязательные постановления, издаваемые краевыми, областными и губернскими исполкомами и их президиумами должны быть в двухнедельный срок со дня их подписания препровождены в Наркомвнудел РСФСР или в наркомвнудел соответствующей автономной республики и соответствующему прокурору.

Исполнительные комитеты и горсоветы обязаны рассматривать протесты прокуратуры и наркомвнуделов автономных республик в кратчайший срок, во всяком случае, не далее двухнедельного срока по их вынесении.

Статья 21-я изменена в том смысле, что право палочения административных взысканий за нарушение обязательных постановлений предоставляется: а) за нарушения, совершенные в пределах областных (автономных областей), губернских, окружных и уездных городов, начальнику соответствующего областного (авт. области), губернского, окружного или уездного административного отдела или его заместителю, б) за нарушения совершенные в пределах прочих (заштатных) городов (поселках), имеющих населения более 5.000 человек, президиумы горсоветов; в) за нарушения, совершенные в пределах района— начальнику районного административного отделения или его заместителю с утверждения рай'а и г) за нарушения совершенные в пределах волости—вол. исполкомы. При этом районным и волостным исполкомам с утверждения окружного или уездного исполкома предоставляется право в случае неуплаты штрафа производить взыскание такового в принудительном порядке.

Согласно измененной статье 22-й отдельными обязательными постановлениями краевых, областных, губернских, окружных и уездных исполкомов и соответствующих им горсоветов право наложения административных взысканий может быть предоставлено начальникам городских отделений милиции: а) в губернских, областных и окружных городах в виде предупреждения, штрафа в размере до 5 рублей с заменой в случае неуплаты принудительными работами на срок до пяти дней; б) в уездных городах и иных заштатных городах и поселках, имеющих населения свыше 5.000 человек, в виде предупреждения—штрафа до 3-х рублей, с заменой в случае неуплаты принудительными работами на срок до трех дней.

Согласно ст. 41 проекта жалобы подаются: а) на взыскания, наложенные начальниками административных отделов и их заместителей (п. а ст. 21), в президиум соответствующего горсовета, б) на взыскания, наложенные президиумом горсовета (п. «б» ст. 22), в президиум уездного или окружного исполкома; в) на взыскания, наложенные районным и волостным исполкомами, в президиум окружного или уездного исполкома и г) на взыскания наложенные начальниками городских отделений милиции—в президиумы соответствующего районного или городского совета.

В институтах и обществах.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕВОЗКИ ПОЧТЫ ВОЗДУШНЫМ ПУТЕМ

(В сенции воздушного права Союза Осавиахима СССР).

Несмотря на то, что перевозка почты воздушным путем является наиболее рентабельным видом перевозки для общества воздушных сообщений, что количество почтовых отправок, перевозимых воздушным путем, весьма значительно (например, за 1925 г. воздушным путем было перевезено почты: во Франции—890.595 клгр., в Швейцарии—18.735 клгр., в Голландии—11.846 клгр., в Латвии—7.575 клгр., в Финляндии—2.117 клгр., в Эстонии—3.132 клгр., а в СССР—18.798 корреспонденций и посылок и 7.970 газет, а всего 26.768 клгр.) и продолжает быстрым темпом увеличиваться (например, в Германии было перевезено почтовых отправок воздушным путем: за 1924 г.—22.000 клгр., за 1925 год—287.000 клгр., за 1926 г.—

550.851 клгр.) и что уже существует специально почтовые воздушные линии (например, в С.-А. Соед. Шт. воздушная почтовая линия Нью-Йорк—Сан-Франциско протяжением в 4.300 километров, тролетаемая почтовым самолетом в 30 часов, по которой за период 1922—1924 гг. было перевезено свыше 1.600.000 клгр. почтовых отправок),—правового регулирования этой перевозкой до недавнего времени почти не существовало вовсе. Как национальные авиационные законодательства, так и международные воздушно-правовые акты обычно либо умалчивали вовсе об этом вопросе, либо отсылали к имеющим быть созданным специальным актам. Единственным государством, подробно регламентировавшим перевозку почты воздушным путем,

является Германия, издавшая 1-го апреля 1926 года положение о воздушно-почтовом сообщении. Как этот, так и другие законодательные акты некоторых других государств (в СССР—правила эксплуатации воздушного внутреннего почтового сообщения от 11 января 1924 г. и дополнительные: о линии «Москва—Кенигсберг» от 23 апреля 1925 г., о пересылке бандеролей во все страны Европы и Америки и посылки в Германию от 30 мая 1923 г.) по вопросу о перевозке почты воздушным путем своими основными моментами имеют: объявление государственной монополии на перевозку почты воздушным путем; установление дополнительной или повышенной почтовой таксы за перевозку воздушным путем; дополнение воздушной перевозки—перевозкой иными способами в случае аварии или отсутствия воздушной линии от места отправления до места назначения и наконец сохранение обычной ответственности за утерю или порчу по-

чтовых отправок, но с ограничением размера ценности почтовых отправок, принимаемых к отправке воздушным путем (напр., в СССР до 20.000 золотых рублей). При этом общества воздушных сообщений, перевозящие почтовые отправления, несут перед почтовыми управлениями такую же ответственность, какую несут последние перед отправителями. Способ оплаты обществами воздушных сообщений их услуг по перевозке почтовых отправок существует различный, главным образом в зависимости от природы общества и характера его общих взаимоотношений с государством. Так, национальные общества какого-либо государства, обычно субсидируемые им, либо ничего не получают за перевозку почты (например, во Франции, где размер общих субсидий особенно велик), либо субсидируются дополнительно (напр. в Италии). Иностранному концессионному обществу государства, обычно, не субсидируя их, платят за перевозку почтовых отправок, отчисляя в их пользу некоторый значительный процент от стоимости знаков почтовой оплаты этих отправок. Но эта оплата, конечно, должна рассматриваться в плоскости общей субвенционной политики, которую приходится осуществлять государствам в связи с общей убыточностью эксплуатации воздушных линий. Тем не менее надо полагать, что уже в ближайшее время практика в этом направлении будет изменена, в виду увеличивающейся доходности перевозки почты воздушным путем, как это показывает результат работ Дейтройтских (САСШ) почтовых воздушных линий, начинающих давать реальную прибыль.

В области международных регулировок перевозки почты воздушным путем до 1926 г. реально ничего сделано не было. Чисто теоретическое обсуждение, ведшееся международными организациями частного характера, главным образом по вопросу об «экстерриториальности» воздушно-почтовых судов, не заслуживает серьезного внимания. Специальная авиа-почтовая конвенция, на составление которой делают ссылки как международная конвенция о воздушном передвижении от 13 октября 1919 года, так и последовавшие сепаратные конвенции государств, так и не была составлена до 1926 года. Лишь в этом году организации, наиболее заинтересованные в международном правовом регулировании воздушной почты—международная торговая палата, международное объединение обществ воздушных сообщений и всемирный почтовый союз—приступили общими усилиями к этой работе, при чем значительная доля инициативы в этом деле принадлежит НКП и Т СССР. В ответ на анкету, разосланную М. Т. П. в результате своей сессии 1926 года, Н. К. П. и Т. СССР предложил создать по этому вопросу специальную международную конференцию, указав подлинные мотивы желательности ее созыва и выдвинув основные положения международной авиа-почтовой конвенции. Следующая сессия М. Т. П., состоявшаяся в мае 1927 г., ознакомившись с предложением НКП и Т СССР, вынесла ему благодарность за проявленную инициативу и проделанную работу, присоединилась к этому предложению и обратилась к почтовым управлениям всех стран с предложением принять участие в этой конференции. В результате этого в сен-

тябре 1927 года в Гааге была созвана В. П. С. 1-я международная авиационно-почтовая конференция, в которой приняли участие почтовые управления свыше 30-ти стран и представители М. Т. П., Н. А. Т. А. и крупнейших обществ воздушных сообщений. Конференция закончилась принятием проектов двух конвенций, из которых одна содержит постановление, регламентирующие перевозку воздушным путем письменной корреспонденции, а другая—почтовых посылок. Проекты эти подлежат утверждению почтовых управлений государств, входящих в В. П. С., и вступают в силу с 1-го января 1928 г. впрямь до решения по этому вопросу всемирного почтового конгресса, созываемого в Лондоне в 1929 году.

По первой конвенции: принимаются к отправке воздушным путем все виды почтовых отправок, при чем для ценных пакетов требуется дополнительное соглашение; свобода транзита принимается в общей формулировке ВПС с некоторым ограничением прав почтовых управлений транзитных стран; ответственность устанавливается такая же, как и за корреспонденцию, отправляемую железнодорожными и морскими путями, без всякого ограничения ценности для ценных отправок; при расчете между почтовыми управлениями (производимом через международное бюро ВПС) оплата производится пропорционально весу и расстоянию с учетом внутренних линий; почтовым управлениям, создающим новые большие воздушные линии, разрешается повышать тариф за пользование ими—предусматривается возможность использования комбинированных путей (воздушных, железнодорожных, морских и т. п.); предусматривается ускорение процедуры таможенного досмотра и т. д.

По второй конвенции: принимаются к отправке воздушным путем обыкновенные и ценные посылки и посылки с наложенным платежом, «при условии почтовых управлений на данного рода обмен», формула свободы транзита принята несколько более широкая; ответственность устанавливается обычная для почтовых посылок, без ограничения ценности, при чем за объявленную ценность берется очень небольшой дополнительный страховой сбор; остальные положения в общем аналогичны положениям первой конвенции.

В дополнение к этим конвенциям решено выработать единый тариф, общие принципы которого также намечены.

Подробному изложению приведенного здесь вкратце вопроса о правовом регулировании перевозки почты воздушным путем был посвящен доклад Е. В. Гиршфельда—бывшего председателя делега-

ции СССР на Гаагской авиа-почтовой конференции—на общем собрании секции воздушного права союза Осавиахим СССР, устроенном 21 сентября с. г. в клубе НКП и Т СССР. После оживленных прений по докладу собрание, отметив инициативу НКП и Т и успешное осуществление своей миссии делегацией СССР на Гаагской конференции, призвало проекты принятых на этой конференции конвенций в общем приемлемыми для СССР. На ряду с этим собрание сочло необходимым всячески бороться против признания за воздушно-почтовыми судами права экстерриториальности, как совершенно не соответствующего новейшей практике международного права, понимая под «свободой транзита» свободу транзита почтовых отправок, по отнюдь не почтовым воздушным судам. Вместе с тем собрание констатировало, что выработанные на Гаагской конференции проекты конвенций еще не разрешают всей задачи регулирования воздушной почты в целом. Этими конвенциями достигается регламентация прохождения воздушно-почтовых отправок, ответственности, расчет между почтовыми управлениями и т. д. и будет установлен единый тариф, что составит лишь одну половину задачи. Вторая половина заключается в установлении единого международного режима для воздушных судов, перевозящих эти почтовые отправления, к разрешению чего следует немедленно приступить, сохраняя и далее в этом вопросе инициативную позицию СССР.

Поэтому представляется необходимым выработать проект: либо особого международного соглашения, распространяющего на воздушно-почтовые суда правового режим обычных транспортных воздушных судов, для чего следует распространить на них действующие конвенции о воздушном передвижении, либо новой специальной международной конвенции о воздушном передвижении почтовых судов. При выработке того или иного из этих проектов необходимо предусмотреть некоторые льготы воздушно-почтовым судам по сравнению с транспортными, в первую очередь—упрощение таможенных формальностей и изъятие их из-под права наложения на них ареста судебными и административными органами во время их нахождения в рейсе, и некоторые другие в целях ускорения почтовой перевозки и ее гарантирования.

Проработку этого вопроса и составление проекта собрание возложило на члена секции Е. В. Гиршфельда с последующим докладом и окончательной проработкой в комиссии секции воздушного права по международному публичному праву.

Л. В.

Вопросы НОТ'а

Рационализация технического аппарата и делопроизводства в прокуратуре.

Вопросы рационализации техники работы вообще и, в частности, вопрос о правильной постановке делопроизводства выдвигаются сейчас на одно из первых мест в общей системе мероприятий по проведению режима экономии. В этой статье я хочу коснуться рационализации делопроизводства губернской прокуратуры, которая имеет, как

известно, разностороннюю и многогранную деятельность.

В самом деле, необходимо учесть движение тысяч дел самого разнообразного характера (уголовных, гражданских, земельных, трудовых, административных, конфликтных, тюремных и т. д.), тысяч разного рода жалоб и заявлений граждан и учреждений, большого количества газетных заметок, десятков тысяч простой переписки, особо тщательно организовывать контроль за своевременными ответами учреждений на запросы прокуратуры. Необходимо всю эту работу выполнить весьма небольшим и относи-

тельно слабо оплачиваемым составом сотрудников.

Несколько лет уже прошло с момента введения в прокуратуре карточной системы делопроизводства, давшей нам огромные преимущества по сравнению с прежней системой, но, к сожалению, мы все еще «исправляем мелкие недочеты» не переходя к коренному преобразованию отдельных частей делопроизводственной системы. Московская прокуратура, по согласованию вопроса с Оргпланом НКЮ, с начала 1927 года перешла в губернской камере на ту систему делопроизводства, которая описывается в данной статье, и, признав удовлетворительным опыт, с 1928 г., после всестороннего обсуждения вопроса на совещаниях технических работников и секретарей, перенесла этот опыт на участковые камеры. С принципами, которыми мы руководствовались при этом, я и хочу поделиться с товарищами по работе.

Основные достижения карточной системы делопроизводства 1926 г. могут быть сформулированы следующим образом: 1) уничтожение журнала и переход к карточке; 2) увязка бумаги с нарядом (присвоение бумаге номера наряда, где она хранится); 3) единообразная для всех органов прокуратуры номенклатура нарядов.

Этого достаточно, чтобы сказать, что основы делопроизводства заложены правильно.

Однако, практическое применение системы делопроизводства обнаружило впоследствии ряд ее принципиальных недочетов. Такими недочетами являются: 1) децентрализация делопроизводства; 2) отсутствие достаточной четкости в системе нарядов, как для губпрокуратур, так и для участковых камер, вследствие чего затрудняется прикрепление бумаги к определенному месту наряда; 3) отсутствие контроля за исполнением бумаг.

Аппарат прокуратуры, по принципу ее организации, должен быть централизованным. Имея в виду небольшие сравнительно технические аппараты губернских управлений, можно и нужно было сразу поставить вопрос о централизации делопроизводства в губкамере, т. е. об уничтожении делопроизводства в отделах и сосредоточении картотеки, нарядов, всех операций по учету и всего технического штата сотрудников в одной общей канцелярии под руководством секретаря.

Проверив на практике Московской прокуратуры централизованную систему делопроизводства, можно сделать выводы о следующих основных преимуществах этой системы: прокурор, несомненно, лучше и ближе увидит работу отделов, если вся их переписка проходит через одну канцелярию, находящуюся в ведении старшего секретаря губпрокурора; облегчается в значительной степени непосредственное руководство техническим аппаратом и учет его работы; уничтожается совершенно лишняя инстанция движения бумаг—центральный приемник; представляется возможным правильно поставить контроль над исполнением бумаг, как в самой прокуратуре, так и вне ее.

Эти основные преимущества централизованной системы делопроизводства были признаны совещаниями секретарей губернской камеры и технических сотрудников. Централизованная система позво-

лила нам упорядочить делопроизводство, уточнить учет, наладить контроль (самое основное) и с прежним малым штатом сотрудников выполнять развернувшуюся работу, упитожив бывшую ранее систематически переработку технического персонала и разгрузив секретарей частично от технической работы и полностью от наблюдений за канцелярием.

Но помимо централизации технического аппарата губкамеры, необходимо создать такое положение, при котором прокурор имел бы возможность осуществлять надзор наиболее полно и с наименьшей затратой сил. Для этого надо создать стройную, практически проверенную систему нарядов.

Инструктивные указания НКЮ о нарядах говорят, что при определении наряда, к которому должна быть отнесена данная бумага, прежде всего, надо решить вопрос, нет ли для данной бумаги места в наряде по предметному или родовому признаку, и если есть, то бумага идет именно в этот наряд; если же нет и нерационально создавать новый наряд по родовому или предметному признаку, бумага должна быть отнесена к корреспондентскому наряду. В результате корреспондентские наряды незначительны по объему, а родовые и предметные ненормально велики и неудобны для каких бы то ни было разработок и даже просто для розысков бумаг.

Я считаю, что должно быть отдано безусловное предпочтение перед другими признаками корреспондентскому, при чем корреспондентские наряды разбиваются на ряд поднарядов; эту систему мы находим из опыта многолетней работы в прокуратуре. Губпрокуратура осуществляет надзор за губернскими органами (губсуд, ГИК, его отделы и др.) и за участковыми камерами—соответствующим образом должны быть построены и наряды. Участковый пом. прокурора наблюдает за деятельностью уездных, районных, волостных органов, за работой нарследователей, нарсуда, мест лишения свободы, и поэтому должны быть построены наряды именно для этих корреспондентов.

В корреспондентские наряды должны идти все материалы, характеризующие работу соответствующих учреждений и организаций, кем бы эти материалы ни были присланы. Родовые и предметные наряды должны быть оставлены лишь для особых «общих» материалов, представляющих собою продукт самой камеры (циркуляры, протоколы разного рода, отчетные материалы, планы особых комиссий, особо выделенные жалобы, бумаги и материалы по отдельным общим вопросам—хулиганство, снижение цен, бюрократизм и т. д.).

Приведу несколько примеров из практики.

Как построен список корреспондентских нарядов участковых камер и Московской губернской камере?

Номер наряда составляется из трех частей: а) № наряда; б) указатель характера наряда (корреспондентский, родовой, предметный) и в) № поднаряда (или при жалобах № жалобы). Например, наряд камеры пом. прокурора Егорьевского уезда состоит из следующих поднарядов: 23К (с № жалобы)—жалобы, относящиеся к Егорьевскому уезду, 23К1—разная переписка, 23К2—решенные материалы, 23К3—отчеты о работе, 23К4—планы, 23К5—материалы о

работе в деревне, 23К6—материалы о работе в образцовой волости, 23К7—материалы обследования ВИК'ов и другие материалы, характеризующие работу ВИК'ов.

Далее идут в таком же порядке: материалы УЗК и ВЗК; материалы о работе нарследователей, нарсудов, прочих органов; обязательные постановления УИК'ов и ВИК'ов; материалы совещаний по пропаганде права; отчеты о выполнении пом. прокурора и общественных обвинителей в суде; исполнение наших циркуляров; цифровые ведомости и т. д. Список этот может быть дополнен или сокращен в зависимости от необходимости.

Так же построены наряды и других участковых камер.

Если необходимо знать, как работает вся камера пом. прокурора Егорьевского уезда в различных областях деятельности, следует взять весь наряд № 23 с поднарядами, если нужно изучить, например, вопрос о том, как проходит работа в губернии по образцовым волостям, нужно взять из нарядов всех камер поднаряды с № 6 и т. п.

Аналогичным образом построены наряды других корреспондентов, например, губсуда: 6К (с № жалобы)—жалобы на губсуд; 6К1—разная переписка; 6К2—планы работ губсуда; далее идут отдельными поднарядами—отчетные материалы, протоколы заседаний президиума, пленума, распорядительных заседаний, циркуляры и т. д.

Подобным же образом построены наряды родовые и предметные, при чем при необходимости тот или иной наряд, материалы которого обширны, также делится на поднаряды.

Многие, согласившись с тем, что такая система нарядов удобна, скажут, что она очень сложна и громоздка, что с большим количеством нарядов труднее работать. Этот взгляд ошибочный, так как с большим количеством систематизированных и небольших нарядов гораздо легче работать, чем с небольшим числом многотомных, разбухших и хаотичных нарядов. Правда, необходимо уничтожить подшивку бумаг среди года и расположить наряды так, чтобы вытаскивая один из них не трогать другой и чтобы номер наряда был виден сразу при общем обозрении всех нарядов. Это достигается вертикальным хранением нарядов (вниз корешками) в твердых папках (бумаги не подшиваются) с №№ написанными на краю наряда, темного выступающего в виде ярлыка из общей массы нарядов. Для хранения нарядов по такой системе можно приспособить простой шкаф, не покупая особые колонки (регистраторы) с выдвижными ящиками. Такого рода опыт приспособления шкафов для вертикального хранения Московской губернской прокуратура предполагает провести в 1928 году по всем уездам.

Несколько слов о системе надзорных и наблюдательных производств. Ставил в начале № дела условное обозначение: 00—земельные дела; 01—гражданские дела в порядке надзора и кассационные; 02—уголовные дела в порядке надзора и кассационные; 03—прочие переходящие дела; 05—следственные дела; 06—дела в порядке надзора, присланные из уч. камер (отдельно по каждой) и т. д. и выделяя картотеку и наблюдательные (надзорные) производства каждой группы дел мы имеем возможность не только систематизировать наблюдательные и надзорные производства, но и просле-

диль, как работает каждая участковая камера по просмотру уголовных, гражданских и иных дел. Разметка бумаг по всем нарядам проводится одним лицом.

Вначале эта система нарядов кажется техническому персоналу трудной, но через месяц, другой систематизация бумаг идет почти механически, результаты же покрывают с лихвой трудности первых дней работы.

Третий недостаток (отсутствие контроля) не так значителен, как первые два, однако, на практике и он дает себя чувствовать. Я говорю об отсутствии строгого контроля за исполнением простой переписки (а не жалоб и газетных заметок) и о том, что в большом наряде, если вести делопроизводство точно, придерживаясь инструкции НКЮ, трудно найти бумагу, поскольку последние не могут располагаться в наряде по датам поступления.

Контроль по простой переписке до реорганизации осуществлялся нами путем выделения неоконченной переписки в особые папки ожидающих бумаг, систематический просмотр которых был очень труден в виду большого их количества; в результате папка ожидающих бумаг разбухла, бумаги по месяцам не получали подтверждения и вместо правильного контроля получался хаос. Какого-либо разговора о четкости работы не могло быть. Соединив канцелярии отделов в одну общую, мы смогли наладить контроль так, что знали каждый день — кто нам на этот день не прислал ответа

по запросу. Поскольку ежедневно приходилось подтверждать небольшое количество переписки, контроль стал более систематическим и гораздо более строгим.

Организовали мы его так: на отпуске, а, если это возможно, и на подлиннике бумаги мы стали точно фиксировать на какое число ожидается ответ; делопроизводителем по каждой такой бумаге записывалась очень простая контрольная карточка (указывается № бумаги, дата ее, наименование адресата и дата ожидаемого ответа), которая помещалась в ящик с отделениями по числам месяца, на то число, когда ожидается ответ. Каждый день из соответствующих отделений ящика контрольные карточки вынимались, переписка по ним подбиралась и в учреждения, задержавшие ответ, посылались запросы, карточки же с соответствующей отметкой перекладывались в ящик на другое, вновь назначаемое для ответа число.

Сохраняя контрольные карточки учреждений, неаккуратно отвечающих на запросы прокуратуры, можно сделать впоследствии вывод о работе технических аппаратов тех или иных учреждений и принять через органы РКИ меры к упорядочению в них постановки дела.

Прикрепить все бумаги к определенному месту в наряде было бы идеальной постановкой делопроизводства. Полностью провести в жизнь это мероприятие нам однако не удалось, мы смогли точно определить место в наряде только для жалоб и газетных заметок (о наблю-

дательных и надзорных производствах и не говорю), присвоив каждой жалобе и газетной заметке номер по порядку их поступления и расположив производства в соответствующих нарядах в порядке номеров. Практика показала, что этот метод значительно облегчает розыск бумаг, расположение же карточек жалоб и газетных заметок в алфавитном порядке, хотя и облегчает немного регистрацию, но настолько затрудняет розыск их в нарядах, что такой порядок не оправдал бы себя, как наиболее целесообразный.

Вот те общие вопросы делопроизводства, которые мы в Мосгубпрокуратуре проработали, внесли в них некоторые коррективы, направленные к упорядочению дела в губкамере, и которые мы хотим в 1928 году распространить на периферию. В заключение я хочу еще раз подчеркнуть необходимость коренного изменения некоторых частей ныне существующей системы делопроизводства и нецелесообразности (до того) разрабатываться и уточнить и упорядочивать отдельные мелкие ее детали. Путем обмена опытом проделанной в этом направлении работы мы на местах должны помочь наилучшему разрешению этой большой задачи по рационализации делопроизводства и по выработке наиболее целесообразных форм организации технического аппарата прокуратуры, так как четкая его работа имеет очень большое значение в деятельности прокуратуры как в губцентре, так на местах.

Ст. секр. Мосгубпрокуратуры **Зверев.**

Х р о н и к а.

Правила внутреннего распорядка.

НКТрудом РСФСР утверждены правила внутреннего распорядка для госучреждений, управленческого аппарата гос. промышленных и торговых предприятий и акционерных обществ с преобладающим участием гос. капитала. («Труд» от 28/1—1928 г.).

Согласно правил все служащие, независимо от занимаемой должности, обязаны к установленному настоящим правилами времени являться на место работы и приступать к ее выполнению. Воспрещается без разрешения администрации уходить из учреждения во время работы или прекращать свою работу ранее установленного времени. В течение рабочего времени служащим предоставляется перерыв в 30 минут для отдыха и принятия пищи. Распределение времени перерыва отдельных сотрудников устанавливается руководителями отделов (частей) учреждения с таким расчетом, чтобы не нарушался нормальный ход работы учреждения.

Сверхурочные работы производятся по постановлению РКК с предварительного разрешения инспектора труда. Распоряжения о производстве сверхурочных работ даются в письменной форме соответствующими должностными лицами. Требования сотрудников о внесении в расчетную книжку сумм, причитающихся за сверхурочную работу, должны быть заявлены не позже трех месяцев со дня ее окончания. Отказ служащего по неуважительным причинам от выполнения сверхурочной работы, разрешенной в установленном порядке недопустим, и неоднократные нарушения настоящего пра-

вила могут служить основанием для увольнения по решению РКК (по ст. 47 КЗоТ).

Опоздания на работу, отлучки во время работы и уход с нее ранее установленного времени без разрешения администрации не допускаются, при чем пропущенное время считается прогульным и оплате не подлежит.

В случае заболевания, карантина, а равно неявки на работу вследствие болезни или смерти члена семьи сотрудник должен в течение 48 часов известить администрацию учреждения о названных причинах неявки.

На все время неявки на работу по причинам, указанным выше, сотрудником должно быть представлено администрацией медицинское удостоверение от районного врача или лечебного учреждения о болезни или больничный лист, или иные соответствующие документы, без представления которых время отсутствия считается прогулом.

В целях контроля за своевременным приходом и уходом с работы вводится система контроля по формам, установленным НКТ и НК РКИ РСФСР и опубликованным в «Известиях НКТ СССР» 1927 г. № 9.

Служащие должны аккуратно и своевременно выполнять возложенные на них обязанности и исполнять все отношения администрации. В случае если служащий считает полученное им распоряжение неправильным, он должен сообщить об этом лицу, отдавшему распоряжение, и если распоряжение будет повторено, обязан его выполнить; об изложенном он может довести до све-

дения высшего начальника в порядке подчиненности.

Служащие во время работы должны быть вежливы в обращении с посетителями, с лицами администрации и между собой, а также соблюдать при работе должную тишину. Служащие обязаны бережно обращаться со всеми материалами и принадлежностями, которыми они пользуются при работе; после окончания работы служащие убирают со столов и запирают в установленное место всякого рода бумаги, канцелярские принадлежности, спецодежду и т. п., коими они пользуются во время работы.

Воспрещается: уносить с собой какое бы то ни было имущество учреждения или деловые бумаги без разрешения администрации; пользование без разрешения администрации приборами, машинками и т. п. для неслужебных надобностей как в рабочее, так и в нерабочее время; чтение газет и литературы, не вызываемое потребностями текущей работы; разговоры личного характера в рабочее время; принятие посетителями по неслужебным делам; грубое обращение с посетителями и перерекания между служащими.

При увольнении служащий одновременно с расчетом получает удостоверение о службе, в котором должно быть указано, с какого по какое время он работал в учреждении, какие должности занимал и размер оклада, использование отпусков или получение компенсации. Указания в удостоверениях причины увольнения или ссылки на соответствующие статьи КЗоТ без согласия самого работника не допускаются.

Администрация обязана все свои распоряжения, указания и замечания делать служащим в вежливой форме.

Администрация должна ставить в известность при приеме на работу каждого служащего о круге возлагаемых на него обязанностей, а также о том, кому он непосредственно подчинен; указанные сведения подлежат внесению в расчетную книжку. Лица, не имеющие надлежащих полномочий от администрации учреждения, не могут вмешиваться в работу служащих.

Распределение работы между служащими производится непосредственно руководителем отдела, части.

Администрация не имеет права требовать от служащего выполнения работы, не относящейся к его обязанностям в учреждении (за исключением случаев предусмотренных ст. 36 Кодекса Законов о Труде), а также требовать от служащего выполнения поручений и работ, носящих неслужебный характер.

Администрация обязана снабжать учреждение умывальниками и щетками для мытья рук с достаточным количеством мыла и чистыми полотенцами. Во время работы в предприятии должна иметься кипяченая вода в закрытых сосудах, а также посуда для питья.

Внутри учреждения должно находиться достаточное количество уборных, содержимых в полном порядке и чистоте.

В помещениях учреждения должна быть установлена соответствующая вентиляция, регулярно производится проветривание и уборка помещений и поддерживаться нормальная температура.

Администрация обязана предоставить оборудованное помещение для хранения платя служащих и спецодежды.

Нарушение правил влечет за собой наложение взысканий, согласно примерной таблицы взысканий, утвержденной НК РСФСР 11 января 1928 г. № 6.

Охрана тайны вкладов в кредитных учреждениях.

В некоторых местностях налоговые органы, ссылаясь на ст. 27 положения о государственном подоходном налоге («Собр. Зак. Союза ССР» 1926 г., № 64, ст. 434), требуют от обществ взаимного кредита представления сведений о лицах, имеющих вклады или текущие счета в названных обществах.

Народный Комиссариат Финансов Союза ССР считает необходимым разъяснить (п. № 207 от 3/1—28 г.—Изд. НКФ № 15), что по точному смыслу упомянутой статьи под наименованием «вкладчики» следует разуметь в данном случае лишь тех лиц, которые являются участниками с ограниченной ответственностью (вкладчиками) в разного рода торгово-промышленных организациях (напр., в товариществах на вере), но никак не клиентов кредитных учреждений, имеющих в них свои текущие счета или вклады.

Поэтому налоговые органы не вправе предъявлять требование к кредитным учреждениям, в том числе и к обществам взаимного кредита, о доставлении им сведений о лицах, имеющих в этих учреждениях текущие счета или вклады.

Порядок ликвидации складов, магазинов и т. п. предприятий иногородних организаций.

26/II—27 г. за № 62 НК РК РСФСР указал, что магазины, склады и т. п. предприятия, принадлежащие иногород-

ним учреждениям и организациям, могут быть ликвидированы по решениям местных органов РК РСФСР лишь при условии согласования этих решений с соответствующими заинтересованными учреждениями и организациями.

Между тем, многие местные РК РСФСР продолжают выносить решения о ликвидации складов, магазинов и т. п. предприятий, рассматривая их, как излишние представительства, и не согласовывая своих решений ни с заинтересованными организациями, ни с учреждениями, регулируемыми товаропроводящую сеть.

Находя указанные действия местных органов РК РСФСР неправильными и подтверждая свое обращение от 26/II с. г. за № 62 о порядке ликвидации складов, магазинов и т. п. предприятий иногородних организаций,—НК РК РСФСР указал местным органам РК РСФСР на то, что ликвидация складов, магазинов и т. п. предприятий иногородних организаций должна производиться не по линии борьбы с излишними представительствами, а по линии рационализации товаропроводящей сети, и категорически предписать местным органам РК РСФСР прекратить ликвидацию складов, магазинов и т. п. предприятий иногородних организаций без согласования этого вопроса в порядке, указанном в обращении НК РК РСФСР от 26/II с. г. за № 62 (ц. НК РК РСФСР № 62 от 18/XI—27 г.—«Сов. Торг.» офиц. прил. № 1—28 г.).

Изменение правил ведения бухгалтерского учета торговыми и промышленными предприятиями.

НКТорг РСФСР внес изменения в правила ведения бухгалтерского учета торговыми и промышленными предприятиями, утвержденные Народным Комиссариатом Внешней Торговли РСФСР 29 декабря 1926 г. («Изд. ЦИК РСФСР и ВЦИК» от 11 января 1927 г., № 8).

Освобождены от обязательной регистрации торговых книг, установленной ст.ст. 13—19 указанных выше правил, государственные учреждения и предприятия, кооперативные и общественные организации, концессионные предприятия и акционерные общества (пасвые товарищества), не менее 50 проц. акций (паев) которых принадлежат государственным учреждениям и предприятиям или кооперативным и общественным организациям.

Сохранено для частных торговых предприятий не ниже V разряда и для частных промышленных предприятий не ниже VII разряда обязательная регистрация торговых книг, согласно ст.ст. 13—19 указанных выше правил.

Введена, начиная с 1 октября 1928 г., обязательная регистрация торговых книг для частных торговых предприятий III и IV разрядов и для частных промышленных предприятий IV, V и VI разрядов (пост. НКТорга от 23/II—27 г.—«Сов. Торг.» офиц. прил. № 1—28 г.).

Утверждение и регистрация артелей инвалидов.

В отмену инструкции НКСО от 11 авг. 1927 г. № 40 НКСобесом утверждены новые правила утверждения и регистрации уставов артелей инвалидов (инстр. № 61 от 11 дек. 1927 г.—№ 1—28 г.).

Устав каждой кооперативной артели инвалидов в трех экземплярах представляется при заявлении учредителей для утверждения и регистрации.

Заявления и уставы артелей инвалидов подписываются не менее чем пятью учредителями-инвалидами. К заявлению сверх того прилагается: а) список всех учредителей, собственноручно ими подписанный, при чем члены артелей неинвалиды подают сведения о социальном и имущественном положении по форме, прилагаемой к настоящим правилам, и б) копия протокола организационного собрания артели. Для лиц, состоящих на социальном обеспечении в одной из предусмотренных законом форм, представляются справки о признании за ними права на государственное обеспечение или обеспечение в порядке социального страхования; для лиц, до вступления в артель на государственном обеспечении или на обеспечении по социальному страхованию не состоявших.—документы, необходимые для установления их права на один из видов или на одну из форм обеспечения в соответствии с инструкциями, издаваемыми НКСО РСФСР в отношении порядка назначения социального обеспечения (для контингентов собеса) или в соответствии с общими указаниями Главного Управления Социального Страхования (для инвалидов труда). Для инвалидов труда IV, V, V групп инвалидности, не имеющих права на пенсионное обеспечение в порядке социального страхования, представляются удостоверения, свидетельствующие о степени их инвалидности и принадлежности к инвалидам труда (по найму).

Утверждение и регистрация первичных кооперативных организаций (артелей инвалидов) производится: на территории уезда—местными уездными органами социального обеспечения, на территории района—районными исполнительными комитетами в лице комиссий по назначению социального обеспечения, а в городах губернского и окружного значения—городскими органами социального обеспечения.

Одновременно с рассмотрением дела об утверждении и регистрации артели уездный или городской орган социального обеспечения или комиссии по назначению СО при районном исполнительном комитете должны рассмотреть заявления членов артелей о выдаче им авансов в счет пенсии или пособия для вступления в артель.

Об утверждении устава принимается соответствующее постановление, а утвержденный устав регистрируется в особом реестре, форма которого прилагается к настоящим правилам.

В случае неутверждения устава артели соответствующий орган СО или районный исполнительный комитет в недельный срок направляет публикацию об этом в официальный орган НКСО.

С момента утверждения и регистрации устава артели приобретают права юридического лица.

Жалобы на действия комиссий по назначению социального обеспечения при районных исполнительных комитетах по вопросам утверждения и регистрации уставов приносятся через эти же органы в месячный срок со дня получения учредителями или уполномоченными на то лицом копии постановления в губер-

ские и охранные органы социального обеспечения, решения которых по этим вопросам являются окончательными. Жалобы должны быть рассмотрены в двухнедельный срок со дня их поступления.

Кооперативные артели инвалидов считаются возникшими со дня регистрации их уставов в указанный здесь порядке. Если, однако, в течение трех месяцев со дня получения уведомления об утверждении и регистрации устава кооперативная артель инвалидов не приступит к деятельности, то регистрация аннулируется и артель инвалидов считается не состоявшейся. Об открытии деятельности артели обязана сообщить как регистрирующему органу, так и соответствующему союзу кооперативных объединений инвалидов.

Наделение КНОВ-ов землей и закрепление за ними эксплуатируемых ими сельско-хозяйственных предприятий.

НКЗем РСФСР предложил земельным органам (д. № 421/71/33 от 22/XII—27 г.—«С.-Х. Ж.»—28 г. № 52): закрепить за КНОВ в бессрочное и безвозмездное пользование все те земельные участки из состава госземимущества, которыми КНОВ фактически пользовались до настоящего времени и на которых производили общественные запашки, независимо от вида и значения этих участков, а равно от размера таковых, при условии обработки их полностью, собственными силами и средствами производства самих КНОВ.

Закрепление за КНОВ участков производится путем оформления их права пользования в договорном порядке. Спецфонды предоставляются КНОВ на общих с коллективами основаниях в бессрочное и безвозмездное пользование по особым договорам, с обязательством использования этих земель соответственно их специальному назначению.

Выделяемые для КНОВ из состава госземимущества участки земли должны удовлетворять требованиям наибольших удобств и наименьшего расходования сил и средств при использовании их КНОВ. В частности, такие участки должны быть лучшими по качеству земли и удобным по своему расположению в смысле близости их к населенным пунктам, объединенным в КНОВ.

В тех случаях, когда земельных участков из состава госземимущества, удоб-

ных для предоставления КНОВ, в данной местности не окажется, земорганы обязаны принять все меры к выделению КНОВ участков из земель трудового пользования по приговорам соответствующих земельных обществ.

Передаваемые в пользование КНОВ земли должны быть землеустроены в ближайшее время с отнесением расходов по землеустроительным действиям на счет средств, отпускаемых на землеустройство бедняцкой части населения.

Закрепляется за крестьянскими обществами взаимопомощи путем заключения соответствующих договоров в долгосрочное безвозмездное пользование эксплуатируемые ими предприятия, связанные с обслуживанием сельского хозяйства и находящиеся в распоряжении земорганов (мельницы, крупорушки, маслобойни, кирпичные заводы, плодовоощные сушилки и т. п.), включив в эти договоры лишь обязательство амортизации и страхования этих предприятий.

КНОВ представляется право производить в процессе пользования в передаваемом имуществе (в предприятиях) различные хозяйственные изменения, вызываемые соображениями необходимости поднятия производительности предприятия, применения новейших усовершенствований в области техники, сокращения непроизводительных расходов и т. п., т. е. производить переоборудование предприятия, перестройку старых строений, ликвидацию ненужных и т. д., с тем, однако, чтобы производимые изменения не уменьшали стоимости предприятия, определенной при оценке его в момент передачи в пользование КНОВ, и чтобы ликвидация имущества предприятия, равно как и расходование вырванных от ликвидации сумм, производилась по планам и сметам, утвержденным уездными или окружными земуправлениями.

Предназначаемые к использованию в арендном порядке предприятия с.-х. значения и прочие доходные статьи должны быть предоставлены КНОВ в случае получения от них заявок в порядке приглашения не свыше первоначальной, определенной к торгам, суммы и с максимальным понижением арендной платы и даже бесплатно, в зависимости от мощности КНОВ, предпочтительно перед прочими соискателями, но паравне с коллективами.

Оплата помещений, занимаемых учреждениями в муниципализированных домовладениях.

НКВнудел РСФСР установил нормы пользования площадью, подлежащей оплате по ставкам, согласно ст. 1 пост. СНК РСФСР от 26/III—26 г. («С. У.»—26 г. № 20, ст. 155), для инвалидов учреждений, состоящих в ведении НКСобеса и его местных органов, для учебных и культурных просветительных органов НКПроса, для учреждений НКЗдрава (инструкция НКВД № 452 от 17 декабря 1927 г.—«Бюлл. НКВД» № 36—27 г.).

Для органов юстиции нормы площади остаются прежние, установленные специальными постановлениями Совнаркома РСФСР от 1 августа и 29 ноября 1924 г., а именно: для краевых, областных, губернских и окружных судов—общая площадь специальных судебных помещений (сюда входят гражданские, уголовные, кассационные залы, совещательные комнаты, свидетельские, комнаты для караула, для ожидания публики, архивы суда и другие)—до 1.145 кв. м.

Для Московского, Ленинградского судов, Северо-Кавказского и Сибирского краевых судов и Уральского областного суда площадь специальных помещений этих судов увеличивается сравнительно с остальными судами—для первых трёх на 100 проц., а для последних двух на 50 проц.

Для губернской, областной, окружной, уездной и районной прокуратуры—для специальных помещений прокурора и архивов площадь устанавливается до 55 кв. м. Для прокуратур губернских—Московской и Ленинградской, краевых—Северо-Кавказской и Сибирской, областной Уральской и окружной Иркутской—нормы специальных помещений для этих прокуратур увеличиваются по сравнению с нормами для прочих прокуратур до 82 кв. м.

Норма для канцелярий перечисленных учреждений остается общей, т. е. не более 3,54 кв. м. на сотрудника. Излишки площади оплачиваются всеми без исключения учреждениями в полуторном размере, согласно ст. 8 постановления Совнаркома от 26 марта 1926 г., соответствующих для них ставок, если эти излишки площади могут быть технически изъяты.

Библиография.

Современная преступность. Сборник Государственного Института по изучению преступности и преступника. Издание НКВД 1928 г., стр. 96, цена 1 р. 50 коп.

Во время всесоюзной переписи населения в местах заключения заполнялся второй экземпляр переписного листка, дополненного некоторыми вопросами, имеющими криминологический интерес. Эти листки в количестве около 135.000 были сосредоточены в Государственном Институте по изучению преступности и преступника, где и был выработан план их разработки, с таким расчетом, чтобы ко времени разработки общих данных переписи можно было бы производить различного рода сопоставления, согласованные ме-

жду собой в методологическом отношении.

Программа разработки собранных листов намечена Гос. Институтом в следующих разрезах: рецидив и сроки осуждения, рецидив и грамотность, рецидив и возраст, классово-социальный состав заключенных и их семейное положение, с подразделением по полу, преступлениям и другим признакам.

Рецензируемый сборник, посвященный рассмотрению четырех вопросов—преступление, пол, репрессия, рецидив,—распадается на две неравные части: первая, большая часть, состоит из статей обзорного характера, а вторая часть (около 1/3 сборника) представляет собою статистические таблицы.

После вводных статей т. т. Ширвиндта (об ударных кампаниях) и Родина (общий обзор материала) помещены статьи, рассматривающие распределение заключенных по полу и по видам преступлений (статьи т. т. Вишерского, Кесслер, Шестаковой), по срокам лишения свободы (т. Якубов); проблеме рецидива в освещении данных переписи посвящена статья т. Утевского.

Данные о соотношении отдельных видов преступлений, о половом составе заключенных, о сроках лишения свободы, а в особенности о числе рецидивистов, до сего времени недостаточно полно освещались в нашей уголовной статистике. А по вопросу о рецидиве нужно отметить, что ранее публиковавшиеся

цифры НКВД оказались значительно преуменьшенными по сравнению с данными переписи. Данные НКВД говорили о 13—15% рецидивистов в местах заключения; согласно же последним данным этот % должен быть повышен до 20—25% с повышением по имущественным преступлениям до 50—55%.

Однако, и этот %, повидимому, как отмечают авторы статей, недостаточно отражает действительность. Дело в том, что сведения о рецидиве заполнялись, со слов самих заключенных, без последующей объективной проверки, что не могло не повлиять на качество самих ответов.

В освещении вопросов рецидива и профессиональной преступности, хотя бы и на основе такого рода неполных данных в постановке вопроса о необходимости изыскания вполне реальных мер борьбы с рецидивом, мы видим основное достоинство сборника. В этом отношении наибольший интерес представляет статья т. Утевского «Преступность и рецидив». Подробно анализируя рецидив у отдельных категорий преступников, автор приходит к выводу, что «преступность в РСФСР все более консолидируется, становится специальностью, уделом более или менее стойкой группы деклассированных элементов». Отметим, в скобках, что к аналогичному выводу года два назад пришел и пишущий эти строки, но в отношении лишь одной Москвы. Есть основания предполагать, что изменения в столичной преступности, всегда «задающей тон», за последнее время распространились на гораздо большую территорию. Особого внимания заслуживают и пенитенциарные выводы т. Утевского. «Пенитенциаристам,—говорит он,—надлежит отказаться от однообразного, нивелированного подхода ко всем заключенным и установить методы

пенитенциарного воздействия в отношении рецидивистов и профессиональных преступников. Проблема «исправления» должна быть выведена из той неопределенной, расплывчатой и идеализированной формы, в которой она сейчас пребывает. Должны быть установлены реально достижимые возможности в деле «исправления», и должны быть совершенно конкретно разработаны методы не просто «исправления», не просто «приспособления», а исправления и приспособления строго очерченных категорий преступников» (курсив мой. А. Г.).

Эти выводы тем более ценны и своевременны, что, исходя от пенитенциарного работника, они находятся в соответствии с постановлениями соответствующих органов о рационализации уголовно-судебной и исправительной трудовой политики—в части, касающейся разграничения методов борьбы с «первичной» и профессиональной преступностью.

Если в статье т. Утевского трактуются вопросы рецидива и профессиональной преступности, то в статье другого автора, т. Якубсона, дается анализ уголовно-судебной политики в той ее части, в какой она касается непосредственно мест заключения. Отмечая уже подвергшийся обсуждению факт высокого процента заключенных, приговоренных к кратким срокам лишения свободы, автор совершенно справедливо отмечает, что «краткосрочники» не могут подвергаться сколько-нибудь серьезному исправительно-трудовому воздействию и вследствие этого является своего рода балластом в нормальной деятельности мест заключения.

В общем, рецензируемый сборник представляет несомненный интерес как

по обилию свежего материала, так и в связи с высказываемыми отдельными авторами соображениями, знаменующими собой начало существенных сдвигов и пенитенциарном деле. Однако, мы тут же должны оговориться, что некритическое восприятие материалов могло бы повести к весьма ошибочным выводам. Статистика мест заключения, естественно, охватывает лишь известную часть «преступного мира». Изучение этой части преступников, уголовно-политические выводы в отношении этой группы далеко не всегда могут быть распространены на всю преступность в целом. Говоря о «перепроизводстве наказаний», об «альтернативах к лишению свободы», ни в коем случае не следует забывать, что, помимо приговоренных к лишению свободы—для 1926 г. 39%, на другие меры социальной защиты падает 61%, что расширение применения «альтернатив» не всегда осуществимо и с точки зрения общей реализуемости их. Во всяком случае, вопрос о сокращении применения лишения свободы, несомненно, правильный и, своевременный, должен решаться не просто механически; он упирается в необходимость создания единой уголовно-судебной и исправительно-трудовой политики с реальными и вполне реализуемыми мерами социальной защиты.

Сказанное, однако, не умаляет значения сборника. Использование одновременно с ним и других материалов, главным образом, судебной статистики, будет способствовать правильному усвоению современного состояния преступности, благодаря чему в значительной степени отпадут опасения редактора сборника, что «некоторые из вопросов, вытекающих из ознакомления с этими данными, будут, не без основания, быть могут, названы спорными».

А. Герцензон.

ОТ РЕДАКЦИИ.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.
2. Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.
3. Непринятые рукописи обратно не возвращаются.
4. Гонорар получается в Редакции самими авторами. Иногородним высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

ЦИРКУЛЯРЫ НКЮ: № 42, 43. — Раз'яснения Пленума Верх. Суда.

Циркуляры НКЮ.

Циркуляр НКЮ № 42.
НКВД № 99. НКЗдрав № 70/МЗ.

ИНСТРУКЦИЯ

Народных Комиссариатов Внутренних Дел, Здравоохранения и Юстиции по применению ст. 1 постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР «О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях от 15 ноября 1927 года» («С. У.» 1927 г. № 118, ст. 800).

(Издается на основании ст. 37 постановления СНК РСФСР, указанного в заголовке).

1. В зависимости от степени жилищной нужды городские советы могут издавать постановления, обязывающие жилищно-арендные кооперативные товарищества и жилищные товарищества сдавать в распоряжение городского совета освобождающуюся в арендуемых товариществами домах жилую площадь, при наличии следующих совокупных условий:

а) Если все члены данного товарищества, а равно семьи их удовлетворены средней для данного города фактической нормой площади.

б) Если освобождающаяся площадь представляет собой целую жилую единицу, т.-е. квартиру, непроходную комнату или несколько комнат, но не часть комнаты.

Примечание 1. Средняя фактическая норма определяется однажды в год, на основании данных переписи 17 декабря 1926 г. или более поздних данных губстатбюро, комиссией при местном коммунотделе при участии представителей отдела здравоохранения и профсовета и утверждается президиумом горсовета или исполнительным комитетом, при чем берется средняя фактическая норма пользования жилой площадью в квартирах, не включая общежитий.

Примечание 2. К членам жилтоварищества в отношении права на удовлетворение жилой площадью по установленной норме должны быть отнесены и те жильцы, которые не состоят еще членами товарищества, но, согласно постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1927 г. («С. У.» 1927 г. № 80, ст. 535) и пост. СНК РСФСР от 15 ноября 1927 г. («С. У.» 1927 г. № 118, ст. 800) приобрели ко времени освобождения площади право на постоянное жительство в доме и право членства в жилтовариществе; на временных жильцов правила настоящей статьи не распространяются.

2. При определении средней душевой нормы площади дополнительная площадь, которую на основании действующих законов, пользуются лица установленных категорий, в расчет не принимается и вычитается из общей жилой площади.

Лица, имеющие право на дополнительную площадь и ею не удовлетворенные, сохраняют право на удовлетворение освободившейся площадью, согласно правил, установленных ст. 7 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 31 октября 1927 г. «О праве пользования дополнительной жилой площадью» («С. У.» 1927 г. № 116, ст. 783).

Научные работники, зарегистрированные в установленном порядке, сохраняют предоставленные им действующим законодательством права на заселение комнат, освободившихся в занимаемой ими квартире.

3. Городские советы, устанавливая категории лиц из состава трудовых элементов населения, коими должна быть заселена освободившаяся жилая площадь, изъеваемая из непосредственного заселения жилтовариществами. Так может быть установлено, что освободившаяся площадь должна заселяться исключительно работниками физического труда или же рабочими и служащими с заработком не выше установленного размера. Могут быть установлены комбинированные признаки, например: заселение рабочими и служащими индустриальной промышленности с заработком до 100 рублей в месяц и т. д.

4. Самое заселение освободившейся площади производится в порядке, установленном городским советом, при чем в зависимости от местных условий горсовет устанавливает один из двух способов заселения:

а) заселение жилищным органом горсовета по ордерной системе;

б) заселение через квартирное бюро, организованное согласно ст. 4 постановления СНК РСФСР от 15 ноября 1927 г.

«О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях».

Примечание. Применение в одном и том же городе обоих способов заселения освободившейся площади не должно иметь место, так как неизбежно вызвало бы параллелизм в работе, неувязку и конфликты.

5. Домовладения жилищно-арендных кооперативных товариществ и жилищных товариществ, в домах коих освобождается площадь, удовлетворяющая условиям ст. 1 настоящей инструкции, обязаны в трехдневный срок по освобождении площади сообщить об этом в жилищный отдел или в квартирное бюро, в зависимости от порядка заселения, установленного горсоветом. В сообщении об освободившейся площади домоуправления обязаны указать: точный адрес, число освободившихся комнат, размер жилой площади в каждой из них, этаж.

6. При заселении освободившейся площади по ордеру жилищного отдела заселение производится домоуправлением немедленно по предъявлении ордера.

При применении заселения освободившейся площади через квартирное бюро городские советы устанавливают сроки в пределах от 3 до 7 дней, в течение которых квартирное бюро направляет в соответствующие домоуправления кандидатов на заселение из числа лиц, принадлежащих к категориям, установленным городским советом.

Домоуправления обязаны в течение установленного срока заселить освободившуюся площадь жильцами из числа лиц, направляемых квартирным бюро, немедленно сообщая ему о состоявшемся заселении.

В случае, если в течение установленного срока домоуправление не заселило освободившейся площади в вышеуказанном порядке, заселение производится непосредственно квартирным бюро.

7. В случае, если жилищный отдел или квартирное бюро не направляют жильцов в домоуправление в течение двух недель со времени сообщения об освободившейся площади, домоуправление вправе заселить площадь по своему усмотрению, но обязательно лицами, принадлежащими к категориям, установленным городским советом (ст. 2), сообщая об этом одновременно в жилищный отдел или квартирное бюро по принадлежности.

8. При освобождении площади, заселенной в порядке применения ст. 1 постановления СНК РСФСР от 15 ноября 1927 года «О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях» заселение ее вновь производится на тех же началах, указанных в настоящей инструкции.

9. Квартирная плата с заселенной площади взимается домоуправлением на общих основаниях; на общих же основаниях производится и управление заселенной площадью.

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел **Егоров.**

Народный Комиссар Здравоохранения **Семашко.**

Народный Комиссар Юстиции **Янсон.**

13 марта 1928 г.

Циркуляр НКЮ № 43.
НКВД № 98.

КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ И ГУБЕРНСКИМ ПРОКУРОРАМ, СУДАМ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ ОТДЕЛАМ.

К о п и я: краевым, областным и губернским исполнительным комитетам и управлениям инженеров.

Об ответственности за нарушения, допускаемые при производстве строительных работ.

Неисполнение или нарушение при производстве строительных работ установленных строительных, санитарных или противопожарных правил, если эти действия не повлекли за собой тяжелых последствий, преследуется в административном порядке, как предусмотренные 2 частью ст. 108 Уголовного Кодекса.

Административные органы до настоящего времени по таким делам выносили только постановления о наложении административного взыскания, не входя в обсуждение основного вопроса об устранении последствий нарушения (производство того или иного переустройства, исправления, сноса неправильно возведенного строения и т. д.).

В результате такого порядка нарушитель обычно подвергался лишь административному взысканию, постройки же, возведенные с нарушением установленных правил, оставались и продолжали существовать в прежнем виде.

Устранение строительных нарушений посредством рассмотрения дел о них в административном, а затем в судебном порядке, путем предъявления гражданского иска, при росте строительства и увеличении указанных правонарушений, не может считаться правильным и целесообразным.

Принимая во внимание указанное выше, Народные Комиссары Юстиции и Внутренних Дел предлагают при рассмотрении дел по нарушениям, предусмотренным 2 частью ст. 108 Уголовного Кодекса руководствоваться следующим порядком:

1. Органы строительного надзора (управления инженеров и окружные, уездные, городские, районные инженеры), направляя в административные органы дела о нарушении строительных правил, должны сообщать мотивированные заключения о сроке, необходимом для приведения построек в соответствие с требованиями, установленными законодательными или ведомственными актами или обязательными постановлениями местных исполнительных комитетов или городских советов.

2. При рассмотрении дел о нарушении строительных правил, в порядке 2 части ст. 108 Уголовного Кодекса, административные органы одновременно с вынесением постановления о наложении взыскания, могут выносить также постановления и об устранении в определенный срок нарушителями допущенных ими нарушений, уведомляя о последнем подлежащий строительный контроль, возбудивший дело.

3. В случае неустранения нарушителем в назначенный срок допущенных им нарушений органами строительного контроля предоставляется право произвести необходимые действия по этому устранению за счет нарушителя с последующим с него взысканием, потраченных средств в судебном порядке.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора
Республики Крыленко.

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел Егоров.
19/10 марта 1928 г.

Раз'яснения Пленума Верховного Суда РСФСР.

Из протокола № 4 заседания Пленума Верховсуда от 6 февраля 1928 года.

33. (п. 1). О преимущественном удовлетворении недоимок по налогам, образовавшихся до залога, перед залоговыми претензиями.

(Пост. пленума Ульяновского губсуда.)

Согласиться с постановлением Президиума Верховсуда от 17 января 1927 г. о том, что недоимки по налогам, образовавшиеся по закладываемому имуществу и имевшиеся к моменту совершения залогового акта, подлежат преимущественному удовлетворению перед залоговыми претензиями залогодержателя даже в том случае, если эти сведения не были помещены в залоговом свидетельстве в порядке 81 ст. Положения о нотариате, т. к. преимущественность для этих недоимок уже существовала к моменту залога, и залогодержатель мог и должен был сам выяснить, какие квалифицированные долги числятся за закладываемым имуществом.

34 (п. 2). О гражданских последствиях прекращения дела по примеч. к ст. 6 УК.

(Постановление Пленума Сибкрайсуда.)

1) В случае прекращения возбужденного против трудящегося уголовного дела, в виду наличия обстоятельств, предусмотренных примечанием к ст. 6 УК (ред. 1926 г.), трудящийся не может быть уволен по п. «д» ст. 47 КЗоТ. Однако, напиматель в этом случае может возбудить в РКК или трудсесии вопрос о расторжении трудового договора по непригодности трудящегося (п. «в» ст. 47), при чем напиматель должен доказать, что совершение трудящимся действия, предусмотренного в примеч. к ст. 6 УК, делает его непригодным по профессии или по характеру выполняемой данным предприятием или учреждением работы.

Примечание. Настоящий пункт не может служить основанием для восстановления в должности лиц, которые до прекращения дела были уволены, вследствие истечения 2-месячного срока пребывания под стражей или 2-месячного срока со дня отстранения по требованию судебно-следственных властей.

2) Если же напиматель не возбудит вопроса о расторжении трудового договора установленным выше порядком, то трудящийся, отстраненный от работы в порядке раз'яснения НКТ РСФСР от 21 мая 1925 года № 156/1026, должен

быть вновь допущен к работе. При этом, если работник был отстранен от работы в связи с уголовным делом по распоряжению напимателя, последний обязан оплатить все время вынужденного прогула. Если же работник при этом был отстранен от работы распоряжением судебно-следственных властей или же не выполнял работы в виду ареста, напиматель обязан уплатить вознаграждение не более, чем за два месяца с момента отстранения или ареста, при чем постановлением РКК напиматель может быть освобожден от уплаты вознаграждения и за это время.

3) Напиматель, не возбудивший вопроса о расторжении трудового договора указанным в п. 1 порядком, и вместе с тем не допустивший отстраненного трудящегося к работе, привлекается к ответственности по постановлению СНК РСФСР от 11 июля 1927 года («С. У.» 1927 г. № 56, ст. 392), раз'яснению Пленума Верховсуда от 6 июня 1927 г. («Суд. Практика» № 11), цирку. НКЮ РСФСР от 15 июля 1927 г. № 132 («В. С. Ю.» 1927 г. № 30) и ст. 6 инстр. НКТ, НК РКИ, НКФ и НКЮ РСФСР от 1 октября 1927 г. № 241.

35. (п. 3). О раз'яснении ответственности за недачу отзывает судебному исполнителю (ст.ст. 291 и 295 ГПК).

(Предложение Президиума Верховсуда по делу нарсуда Дмитровского участка, Красно-Пресненского района об оштрафовании гр-на Малышева за недачу отзывает судисполнителю).

Рассмотрев дело, Пленум Верховсуда находит:

что при обращении взыскания на денежные суммы и имущество должника, находящегося у третьих лиц, в том числе и при обращении взыскания на зарплату должника, соответствующие лица и учреждения обязаны либо дать ответ судебному исполнителю, имеются ли у них какие-либо суммы должника, или состоит ли он на службе или нет, либо немедленно выслать судебному исполнителю соответствующие суммы, причитающиеся с них должнику;

что, если даже в предписании судебного исполнителя нет прямого требования о даче отзывает, а имеется предложение об удержании определенной суммы, соответствующие лица и учреждения, коим это требование отправлено, обязаны немедленно сообщить судебному исполнителю, имеются ли у них эти суммы должника или нет, а при недаче сведений и невысылке этих денег они подлежат ответственности по 291 и 295 ст.ст. ГПК;

что Пленумом Верховсуда уже раз'яснено что 291 и 295 ст.ст. ГПК не делают принципиальной разницы между неисполнением распоряжений судебного исполнителя при обращении взыскания на зарплату или на другое имущество должника, находящегося в госучреждении, и что эти ст.ст. лишь друг друга дополняют (см. раз'яснение Пленума Верховсуда от 10 декабря 1926 г.—«Суд. Практика» № 1, стр. 4);

что в данном деле суд установил, что ответственность за оставление без ответа двух предписаний судебного исполнителя падает на заведывающего подотделом охраны труда, который, к тому же, в этом был лично заинтересован (как должник), почему суд вправе был вынести решение об оштрафовании зав. подотделом охраны труда в порядке 295 ст. ГПК;

что указание в протесте прокуратуры на то, что штраф мог быть наложен лишь на зав. губотделом союза, а не на заведывающего подотделом охраны труда, является неправильным, ибо, поскольку повестки были посланы на имя зав. подотделом охраны труда, он несет ответственность за оставление этих предписаний без всякого ответа, так как если эти повестки к нему не относились, он должен был бы передать их по принадлежности зав. губотделом или же, по крайней мере, сообщить судебному исполнителю о том, что эти предписания к нему не относятся. При таких условиях суд правильно наложил штраф на зав. подотделом охраны труда, а не на зав. губотделом союза, который мог совершенно не знать о получении зав. подотделом повесток.

В силу этих соображений, Пленум Верховсуда постановляет: отменить определение ГПК Верховсуда от 13 декабря 1927 г. и оставить в силе решение нарсуда Дмитровского уч. Красно-Пресненского района от 1 ноября 1926 года.

36. (п. 5). О праве и порядке обращения взыскания на строения, перешедшие к должнику по решению суда или по иному акту о переходе права собственности, но не зарегистрированному надлежащим образом.

(Постановление пленума Самарского губсуда.)

Раз'яснить, что в случаях, когда имущество, перешедшее к должнику по решению суда или по иному акту о переходе права собственности, не было им зарегистрировано надлежащим образом, в целях препятствования взыскателю обращаться взыскание на это имущество, взыскатель вправе обратиться к нотариусу с заявлением о принудительной реги-

страции этого имущества применительно к порядку, установленному разъяснением Пленума Верховного суда от 7 марта 1927 г. (прот. № 5, п. 6—«Суд. Практ.» № 5), при чем сборы и все расходы по регистрации вносятся взыскателем и подлежат удовлетворению вне очереди наравне с прочими расходами по исполнению решения.

37 (п. 6). О применении 27, 30 и 115 ст.ст. Код. Закон. о браке, семье и опеке.

(Постановление пленума Сев.-Кавк. крайсуда).

Постановление Пленума Сев.-Кавк. крайсуда гласит:

«Принимая во внимание, что, как видно из смысла 27 и 30 ст.ст. Код. Зак. о браке, семье и опеке, дополнение и исправление записей о рождении и о родителях производится через суд только при наличии спора и необходимости доказывать оспариваемое событие, что в силу ст. 115 того же Кодекса при отсутствии спора, исправление, а следовательно, и дополнение записей в книгах актов гражданского состояния производится органами ЗАГС'а без участия суда, разъяснить, что дела об исправлении, дополнении записей о рождении и родителях, при отсутствии спора, не подлежат передаче народному суду».

Постановили: С выводом пленума Северо-Кавказского краевого суда согласиться.

38 (п. 8). Об ответственности за злостное уничтожение межевых знаков в целях срыва проведения землеустройства.

Разъяснить, что умышленное уничтожение межевых знаков в целях срыва проведения землеустройства является действительным социально-опасным и подлежит квалификации по 1 ч. 79 ст. УК.

39 (п. 9). О подсудности дел по искам мелиоративных товариществ о взыскании недоимок за пользование водой.

(Постановление пленума Сев.-Кав. крайсуда).

Постановление пленума Сев.-Кавк. крайсуда гласит:

«Принимая во внимание, что ст. 207 ЗК к подсудности земкомиссии относят дела, возникающие при землеустройстве и мелиорации, а также и о правах на землепользование, т.е. все вопросы, связанные со спорами о праве на землю, что неплатеж гражданами за пользование водой из канала, находящегося в распоряжении мелиоративного т-ва, ни в какой мере не связан с вопросом о землепользовании, разъяснить, что дела по искам мелиоративных товариществ о взыскании недоимок за пользование водой из каналов, находящихся в их распоряжении, подсудны общим судебным органам».

Постановили: Вывод пленума Северо-Кавказского краевого суда признать правильным.

40 (п. 12). О возможности рассмотрения в ревизионном порядке дел, поступающих в кассационную инстанцию по частной жалобе.

(Постановление президиума Сибкрайсуда).

Согласиться с мнением президиума Сибкрайсуда о том, что получение частной жалобы не дает суду права рассматривать все дело в ревизионном порядке, и суд ограничивается рассмотрением лишь вопроса по частной жалобе.

Исходя из того, что Пленум Верховного суда, в целях борьбы с волокитой, признал необходимым максимально ограничить в будущем вообще случаи допущения частных жалоб, изменение закона в смысле предоставления суду права рассматривать в ревизионном порядке дела, поступившие по частной жалобе, признать нецелесообразным и в этой части ходатайство президиума Сибкрайсуда не поддерживать.

41 (п. 13). О возможности выдачи стороной доверенности на ведение дела нескольким представителям.

(Постановление президиума Сибкрайсуда).

В виду того, что доверенность является договором личного доверия доверителя в отношении действий доверенного, который, хотя и вправе передоверить свои полномочия, но в законе абсолютно нет никаких указаний на допустимость выдачи одной доверенности нескольким лицам; что, напротив того, ст.ст. 264 и сл. ГК не вызывают сомнений в том смысле, что для каждой доверенности необходим специальный и особый акт; что допущение в практике возможности выдачи одной

доверенности на имя нескольких лиц вызвало бы необычайную путаницу, как в отношении доверенных между собой, так и в отношении их с доверителем (напр., в случае смерти доверенного, лишения прав по доверенности и т. п.),—отменить постановление президиума Сибкрайсуда и признать, что доверенность может быть выдана одним лицом или несколькими лицами, но в каждом отдельном акте на имя лишь одного лица.

42 (п. 14). Об ответственности за вступление в брак с целью использования женщины в половом отношении и с намерением расторжения после этого брака.

Признать, что лицо, вступившее в зарегистрированный брак с целью использования женщины в половом отношении и с намерением расторжения после этого брака, подлежит ответственности по ст. 153 УК.

43 (п. 16). Об ответственности за получение и дачу калыма (платы за жену) в Оренбургской губернии.

(Постановление пленума Оренбургского губсуда по вопросу о распространении постановления пленума Верховного суда от 15 июня 1925 г. (пр. № 9, п. 17) на Оренбургскую губернию).

Пленум Оренбургского губсуда возбудил ходатайство о предоставлении нарсудам Оренбургской губернии права рассматривать дела о приеме и уплате калыма и т. п. бытовых преступлениях по специальным статьям Уголовного Кодекса, введенным для Киргизской АССР. Губсуд мотивировал это ходатайство тем, что в Оренбургской губернии, часть населения которой составляет национальное меньшинство, эти бытовые преступления имеют большое распространение.

В виду того, что в отношении Пензенской и Астраханской губерний Пленум Верховного суда уже разъяснил, что в тех местностях этих губерний, в которых прием и уплата калыма имеет массовое распространение и признается социально-опасным, суд вправе, на основании ст. 16 УК, определить меру социальной защиты в соответствии со ст. 230 УК, введенной для Киргизской АССР, Оренбургский губсуд просил распространить это разъяснение и на Оренбургскую губернию.

Как материал к этому вопросу, Оренбургский губсуд препроводил в Верховный суд заявление гр-на Сеитова. Текст этого письма печатается ниже без изменения в виду того, что оно характерно в том смысле, что и мужчины, в особенности бедняки, энергично выступают за освобождение женщины Востока.

Содержание письма следующее:

«1927 г., в ночь 29 сентября была украдена моя жена Айлу ее отцом Миндыбаевым, Реңалом, и его братьями Миндыбаевым, Макатом, и Миндыбаевым, Нурты, и продали казаку № 10 аула Нургалю Смагулову, ценою, на его слов, что он ему платил 2 года, это у него будет вторая жена. 30 сентября с. г. я пришел к ее отцу и заявил, что моя жена куда-то ночью девалась, он мне сказал: «ты, наверно, ее убил», но на второй день я услышал от людей, что он же, отец ее, украл ее и продал Нургалю Смагулу».

Я в 1923 году у него же купил за одну корову с телком, на втором году он забрал ее от меня и предложил мне: «если ты уплатишь мне за нее, то я тебе отдам», я ему дал еще телку, и он мне отдал ее обратно. Через один год он опять забрал ее, но я опять ему за нее спихал одну десятину под просо и посеял своими семенами. Но в настоящее время уже не имею средств платить, то он украл у меня совсем и продал казаку 10 аула Нургалю Смагулу. Но она у меня не была ничем обижена и не голодная и не раздетая, и я во всем ей подчинялся, но она пошла к другому по направлению отца Миндыбаева».

Им же продано уже три дочери: первую дочь он продал в 1922 г. Килибаеву, Султану, а в 1926 г. отец ее отобрал и продал другому, Исагалеву, Абдулгалю за 70 п. пшеницы и 30 рублей деньгами, а самую меньшую дочь еще в 1925 году просватал за одну корову и за одну лошадь одного года и 50 руб. деньгами, на что я имею свидетелей 4-х человек: 1) Алыкунов, Жакап, 2) Иржапов, Узакбай, 3) Сулимен, Миттен и 4) Усмаилов, Макат».

Все это вышеизложенное было передано нарсудье 5 уч. пос. Нахальского, где по сие время никаких результатов нет, уже прошло 4 месяца, а повесток на суд не присылает. Но я сам к нему ездил, он сказал, что я повестку вышлю по почте, но уже прошло больше месяца, а повесток на явку в суд нет. Но как видно, что Сов-

власть борется с разными калымами и защищает права беднейшего населения, но у нас в аулах все продолжается старая волынка.

Из чего видно, что бедняк не будет иметь ни одной жены, а бай по 2—3 жены, так как я бедный, то у меня украли жену и продали кулаку, который имеет за что купить.

А посему убедительно прошу губсуд дать мне помощь, так как я бедного состояния, воротить мою жену мне обратно, потому что я не имею средств купить жену. Еще раз прошу не отказать в моей просьбе и как можно скорее разобрать мое дело и удовлетворить мою просьбу.

П о с т а н о в и л и:

В виду того, что уплата и прием калыма и т. п. явления, поработавшие женщины, имеют, по сообщению Оренбургского губсуда, в Оренбургской губернии широкое распространение— утвердить постановление пленума Оренбургского губсуда о том, что эти дела, на основании постановления Пленума Верховсуда от 15 июня 1925 г. могут разрешаться судами Оренбургской губернии по соответствующим статьям главы IX УК, введенной для Киргизской Автономной Республики.

44 (п. 17). О квалификации использования общественных и государственных денег для личных целей.

(Постановление пленума Ярославского губсуда по делам по обвинению Чеснокова и Ермолина, рассмотренным в УКК Верхсуда 3 ноября и 8 декабря 1927 г.).

Рассмотрев представление Ярославского губсуда, Пленум Верховсуда находит: гр-не Ермолин и Чесноков признаны виновными в том, что, состоя на службе, первый—в кооперации и второй—в коммунизме, и имея в связи с их служебным положением кооперативные и государственные деньги, они пытались, в целях наживы или получения комиссионных, купить на эти деньги драгоценные камни, но были обмануты и вместо бриллиантов им были оставлены простые камни. Такие действия, заключающиеся в использовании государственных или общественных денег для личных а тем более спекулятивных целей, безусловно должны рассматриваться, как корыстные преступления и квалифицироваться по ст. 109 УК, если деньги своевременно были возвращены, и по ст. 116, если деньги были утрачены.

Однако, в виду того, что эти дела по существу, в смысле избрания меры социальной защиты, решены правильно, пет оснований для отмены состоявшихся по ним приговоров в силу лишь неправильной квалификации.

45 (п. 18). О порядке установления фактических брачных отношений или отцовства после смерти мужа или отца.

(Постановление пленума Тульского губсуда).

В дополнение к постановлению Пленума Верховсуда от 20 июня 1927 года (пр. № 11, п. 18—«Суд. Практик.» № 12) разъяснить, что вопрос об установлении фактических брачных отношений или отцовства после смерти мужа или отца, если эти отношения не были зарегистрированы при его жизни, разрешается судом в исковом порядке, но что в исковом заявлении истец (истинца) должен указывать, для какой цели или по требованию какого учреждения этот факт устанавливается. При решении этих дел суд вызывает к участию в деле заинтересованных лиц или представителей заинтересованных учреждений (напр., соц. страха и т. п.).

46 (п. 19). О праве несовершеннолетних, достигших 14 лет, самостоятельно предъявлять иски о зарплате и расторжении трудовых договоров.

(Постановление пленума Сев.-Кавказского крайсуда).

1. Согласиться с выводами крайсуда о том, что лица, ограниченные в дееспособности, вправе, самостоятельно, без согласия законных представителей, предъявлять иски о зарплате, о расторжении трудового договора, а также и по сделкам, по выходящим по цене за пределы получаемой ими зарплатой.

2. Исключить из постановления крайсуда часть, каса-

ющуюся обязательного сообщения прокурору и соответствующему профсоюзу о всех исках, предъявляемых несовершеннолетними, ибо это право предоставлено законом, а обязательное сообщение прокурору и профсоюзу о всех делах приведет к задержанию в окончательном разрешении этих дел.

47 (п. 20). О правах научных работников на самоуплотнение.

В кв. № 6 дома № 4 по Каланчевской ул. проживал гр-н Беляев, занимавший комнату в 3,5 кв. саж. Узнав, что Беляев предполагает освободить занимаемую им комнату и выехать из квартиры, проживающий в той же квартире научный работник гр-н Любимов, занимающий в этой кв. 3 комнаты, из коих одну специально для научной работы, подал заявление в правление жилищного т-ва указанного дома о желании вселиться в указанную комнату жену своего сына или др. лицо по своему усмотрению. В это же время проживающая в том же доме работница гр-ка Николаева подала исковое заявление в нарсуд, в котором она просила предоставить ей право занять освобождающуюся в кв. № 6 комнату, так как она с семьей живет в очень скверных условиях, в маленькой комнате, совершенно непригодной для жилья. Представитель жил. т-ва против иска не возражал, и нарсуд вынес решение о вселении Николаевой в освобождающуюся комнату после выезда Беляева. Это решение было обжаловано гр-ном Любимовым в Московский губсуд, и последний отменил решение нарсуда, а дело передал для вторичного рассмотрения с привлечением к делу и гр-на Любимова, как заинтересованного в деле.

При вторичном рассмотрении дела нарсуд опять удовлетворил иск Николаевой. Это решение было утверждено Московским губсудом, и гр-ка Николаева вселилась в предоставленную ей комнату. По протесту губпрокурора, указавшего на нарушение прав гр-на Любимова по самоуплотнению, дело поступило в пленум Московского губсуда, который с протестом губ. прокурора не согласился и решение нарсуда оставил в силе. Дело было затем перенесено в ГКК Верхсуда, которая также признала, что, поскольку комната, о которой идет спор, не является смежной с помещением, занимаемым гр-ном Любимовым, а представляет из себя самостоятельную комнату, смежную с помещением, занимаемым гр-ном Филимоновым, проживающим в другой, самостоятельной половине квартиры № 6, интересы гр-на Любимова не нарушены, и решение суда является правильным.

В виду возникшего по делу общего вопроса о пределах прав научного работника на самоуплотнение, Прокуратура внесла это дело в Пленум Верховсуда, который вынес следующее постановление:

«Принимая во внимание, что предоставленное законом научным работникам право на самоуплотнение в случае освобождения в квартире, в которой они проживают, комнат имеет в виду создание максимума благоприятных условий работы научных работников на дому, что настоящее дело рассматривалось во всех судебных инстанциях (нарсуде, губсуде, пленуме губсуда и ГКК Верхсуда) и всеми вынесенными решениями спорная комната была оставлена за гр. Николаевой; что по делу установлено, что в данном случае не было нарушения прав научного работника Любимова, ибо квартира, в которой находится спорная комната, фактически разделена на две отдельных друг от друга половины и что спорная комната примыкает ко второй половине, которая не занималась гр. Любимовым, что, таким образом, суд по обстоятельствам данного конкретного дела установил, что вселенная в спорную комнату работница Николаева и живущая уже в течение года в этой комнате не нарушает прав гр-на Любимова.—Пленум Верховного Суда не видит достаточных оснований к отмене состоявшихся по делу судебных решений и к выселению гр. Николаевой, к тому же без предоставления ей какой-либо другой площади, и постановляет: протест прокурора оставить без последствий».

Не соглашаясь с этим постановлением Прокуратура перенесла вопрос в Президиум ВЦИК'а, который в заседании от 9 января 1928 года постановление Пленума Верховсуда признал правильным.

Ответственный Редактор Нар. Ком. Юст. Н. Янсон.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия { Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.